

Золотые волки

Автор:

Рошани Чокши

Золотые волки

Рошани Чокши

Золотые волки #1

Париж. 1889 год. Технический прогресс вдохнул новую жизнь в город, но в его недрах все еще скрыты древние тайны. Никто не знаком с ними лучше, чем охотник за сокровищами и богатый владелец отеля Северин. Когда могущественный Вавилонский Орден заставляет его присоединиться к поиску одного из потерянных артефактов, у Северина появляется возможность завладеть сокровищем, о котором он не мог и мечтать.

Чтобы обнаружить артефакт, который ищет Орден, Северин обращается к группе весьма необычных людей: девушке-инженеру, которой нужны деньги; историку, изгнанному из своей семьи; танцовщице с туманным прошлым и садовнику, обладающему редким даром.

Вместе им предстоит исследовать мрачное чрево Парижа. Вот только нечто, скрытое в лабиринте катакомб, может навсегда изменить ход истории...

Рошани Чокши

Золотые волки

Roshani Chokshi

THE GILDED WOLVES

Copyright © Roshani Chokshi, 2019

Cover design © by Kerri Resnick, 2019

Jacket photo-illustration © by James Iacobelli

Jacket photographs: gate © Egorova Julia/Shutterstock.com; leaves © Boiarkina Marina/Shutterstock.com; flower © Angelatriks/Shutterstock.com; leaf © Angelatriks/Shutterstock.com; flowers © Aiala Hernando/Offset

First published by St. Martin's Press

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Серия «Young Adult. Гильдия волков»

© Артемова М. В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Для Армана,

который попросил сказать о нем

что-нибудь классное.

Ну уж нет.

Flectere si nequeo sꝑeros Acheronta movebo.

Если небесных богов не склоню, Ахеронт всколыхну я.

ВЕРГИЛИЙ

Когда-то существовали четыре Французских Дома. Как и прочие Дома Вавилонского Ордена, они поклялись охранять свой Вавилонский Фрагмент – источник великой силы Творения.

Единственным, кто мог посоперничать с этой силой, был сам всемогущий Бог.

Но один из Французских Домов пал.

Другой остался без наследника и прекратил свое существование.

А все, что осталось – покрыто мраком времени и тайн.

Пролог

Матриарх Дома Коꝑры опаздывала на ужин. На самом деле она почти никогда не приходила вовремя. Пунктуальность предполагала излишнее рвение и нетерпеливость, а это, как известно, – качества, присущие крестьянам. Она же не имела никакого отношения к этому сословию и, к тому же, не горела желанием садиться за один стол с наследником-грязнокровкой Дома Никс.

– Где мой экипаж? – крикнула она со второго этажа.

Если она прибудет слишком поздно, поползут слухи, а они, как известно, – абсолютно неблагоприятное явление, даже в сравнении с пунктуальностью.

Она смахнула невидимую пылинку со своего нового платья. Эскизы ее шелковых одеяний были разработаны в ателье «Рауднитз и Ко» на Вандомской площади, в первом округе Парижа. Подол голубой юбки украшали изящные лилии из тафты. Остальные части платья были расшиты плющом и лютиками, постепенно раскрывавшими свои бутоны от мягкого сияния свечей. Сила Творения исполнила свою работу без сучка, без задоринки, как и должно было быть, учитывая высокую цену.

В дверном проеме показалась голова кучера.

– Приношу свои глубочайшие извинения, мадам. Все почти готово.

Матриарх Дома раздраженно махнула на него рукой. В полутьме блеснуло ее Вавилонское Кольцо – сложное сплетение темных шипов и голубого света. Она не снимала его с того момента, как стала матриархом Дома Ко?ры, успешно обойдя остальных членов своей семьи и прочих претендентов на эту роль. Она знала, что все ее наследники и даже члены ее Дома считали дни до ее смерти, чтобы Кольцо наконец-то оказалось на пальце другого человека. Но она не была готова с ним расстаться. Всем, кроме нее и патриарха Дома Никс, были неведомы тайны этого Кольца.

Она прикоснулась к обоям, и сквозь позолоченные узоры на мгновение проступил темный символ – переплетенные шипы. Она улыбнулась. Как и все, что было создано силой Творения, обои относились к явлениям, которые назывались сотворенными и были помечены символом ее Дома.

Матриарх навсегда запомнила первый раз, когда она оставила символ своего Дома на артефакте. Могущественные силы, таящиеся в Кольце, позволяли ей чувствовать себя богиней, запертой в человеческом теле. Хотя ее обязанности не всегда были приятными. Вчера ей пришлось снять символ Дома Ко?ры с одного очень ценного предмета. Она не хотела этого делать, но он был предназначен для аукциона, проводившегося Орденом, а с древними традициями не поспоришь...

То же самое касалось ужинов с главой Дома Никс.

Матриарх торжественно прошла к парадной двери и остановилась у порога. Ее юбка всколыхнулась от холодного ночного ветра, и шелковые бутоны мгновенно закрылись.

– Неужели лошади еще не готовы? – крикнула она в темноту.

Когда кучер не ответил, она сильнее завернулась в шаль и шагнула за порог. Там ее ждала карета и лошади, но кучера нигде не было.

– Неужели эта ужасная болезнь под названием «полная некомпетентность» свалила моих слуг? – пробормотала она себе под нос.

Даже ее посыльный, которому всего-то надо было принести пожертвованный ею предмет на аукцион Ордена, с треском провалился. К его блестящему послужному списку добавился пункт: «Вместо выполнения своих прямых обязанностей напился до беспамятства в «Эдеме» – мерзкой выгребной яме, именующей себя отелем».

Шагнув к карете, она заметила, что ее кучер лежит на дорожке из гравия лицом вниз. Матриарх Дома Ко?ры отшатнулась. Лошади переступали с места на место и постукивали подковами, но этот звук резко затих. Повисла зловещая тишина.

Она хотела спросить, кто здесь, но ее слова застряли в горле. Она отступила на шаг, но ее каблуки не издали ни единого звука, словно она была под водой. Матриарх побежала обратно к дому и впопыхах распахнула дверь. На мгновение уютное сияние свечей притупило ее страх, и она почувствовала себя в безопасности. В этот момент ее каблук зацепил подол платья, и она начала стремительно падать. Однако же то, что она почувствовала, не было ударом об пол.

Она не видела клинка, а лишь ощутила, как он вонзился в ее руку. Она почувствовала, как хрустнули костяшки ее пальцев, как теплая кровь залила ладонь и рукав ее дорогого платья. Кто-то отобрал ее драгоценное Кольцо, а она даже не успела этого осознать.

Матриарх Дома Ко?ры широко раскрыла глаза. На потолке, прямо над ней, расселись созданные Творением светлячки с крыльями из изумрудного стекла. Они были похожи на десятки дремлющих звезд.

Краем глаза она успела заметить крупный и тяжелый предмет, стремительно приближавшийся к ее голове.

Часть I

Из архивных документов Вавилонского Ордена

Истоки Империи

Господин Эмануэль Орсатти, Дом Оркус, Итальянская Фракция

1878, правление короля Умберто Первого

О мастерстве Творения было известно еще на заре цивилизации. Согласно нашим переводам древние империи связывали силу Творения с различными мистическими артефактами. В Индии люди верили, что она содержится в сосуде Брахмы – бога созидания. В Персии же были уверены, что она помещена в чашу Джамшида, и так далее, и тому подобное.

Все их догадки – такие самобытные и изобретательные – абсолютно неверны.

Творение неразрывно связано с Вавилонскими Фрагментами, и, хотя никто не знает их точного количества, автор данного документа уверен в одном: после разрушения Вавилонской башни Бог разбросал пять Фрагментов по всей земле (Бытие 11:4–9). На территориях, куда попали Фрагменты, вскоре появились цивилизации. Египетская и африканская обосновались возле реки Нил, индская в

долине реки Инд, восточная на берегах «желтой реки» Хуанхэ, месопотамская между реками Тигр и Евфрат, Майя и Ацтеки в Мезоамерике, а Инки в Андских горах. Это совершенно естественный ход событий, ведь вместе с Фрагментами в эти земли пришла и сила Творения.

Впервые Вавилонский Фрагмент был задокументирован на Западе, в 1112 году. Наш предшественник, один из тамплиеров, привез его из похода в Святые земли. С тех пор сила Творения распространилась по континенту. Каждый, кто был благословлен силой Творения, может считаться наследником божественного дара. Как человек был создан по образу и подобию Бога, так и Творение отражает Его силу, с помощью которой Он может создавать все из ничего. Творение призвано не только улучшать, но и полностью менять действительность.

Главными задачами Ордена являются сохранение и защита этой могущественной силы.

Наш священный долг – хранить в тайне местонахождение Западного Вавилонского Фрагмента.

Момент, в который мы лишимся этой силы, может стать концом цивилизации.

1

Северин

Неделей ранее...

Северин посмотрел на часы: осталось еще две минуты.

Члены Вавилонского Ордена, чьи лица были спрятаны под масками, обмахивались белыми веерами. Они бормотали что-то себе под нос и, кажется,

тоже не могли дожидаться окончания аукциона.

Северин задрал голову: с потолочной фрески на него пристально смотрели мертвые боги. Он пытался не обращать внимания на стены, но все же опустил глаза, и его взгляд скользнул по символам двух оставшихся французских Домов: полумесяц Дома Никс и колючие, переплетенные тернии Дома Ко?ры. Остальные два символа были давно стерты и позабыты.

– Дамы и господа Ордена, объявляю весенний аукцион закрытым! – объявил аукционист. – Сегодня мы все были удостоены чести наблюдать за невероятным обменом. Как вы знаете, этилоты прибыли к нам из далеких мест, таких, как пустыни Северной Африки и роскошные дворцы Индокитая. Мы еще раз благодарим два почтенных французских Дома, которые согласились принять у себя наш весенний аукцион. Славься, Дом Никс. Славься, Дом Ко?ры.

Северин поднял руки, но не стал аплодировать. Длинный шрам, проходящий по его ладони, засеребрился на свету, напоминая об отвергнутом наследии.

Северин – последний из рода Монтанье-Алари, прошептал название своего Дома. Славься, Дом Ванф.

Десять лет назад Орден объявил о том, что родословная Дома Ванф прервалась.

Орден солгал.

Прислушиваясь к торжественной речи аукционера о священном и тяжком бремени Ордена, Северин дотронулся до маски, скрывающей его лицо. Маски, которая на самом деле ему не принадлежала. Она напоминала сплетение металлических колючих терний и роз, покрытых инеем. Розы на сотворенной маске никогда не увядали, а лед не таял. Это была маска посыльного Дома Ко?ры, который, если Северин не ошибся с дозой, все еще дрых в роскошном номере отеля «Эдем».

Согласно сведениям, полученным от проверенных информаторов, предмет, ради которого Северин пришел на аукцион, должен был появиться в зале с минуты на минуту. Он прекрасно знал, что произойдет дальше. Участники будут вяло состязаться за представленный лот, заранее зная, что на него уже положили глаз представители Дома Никс. Конечно, Дом Никс выиграет аукцион, но

артефакт все равно достанется Северину.

Он улыбнулся краешком губ и взмахнул пальцами, притянув к себе хрустальный бокал с шампанским. Северин поднес бокал к губам, притворяясь, что делает глоток; в то же время он внимательно изучал планировку зала. На всякий случай он мысленно отметил каждый выход из помещения. В толпе он заметил Гипноса – младшего наследника Дома Никс. Северин не разговаривал с Гипносом с тех пор, как они были детьми.

В детстве они были друзьями и соперниками, одинаково воспитанными и готовыми унаследовать фамильные Кольца от своих отцов.

Но это было так давно.

Северин отвернулся от Гипноса и посмотрел на лазурно-голубые колонны, обрамляющие южный выход. У западной двери неподвижно стояли четыре Сфинкса – это были загадочные и молчаливые люди в костюмах и крокодильих масках.

Неприступность Ордена была их заслугой: никто не смог бы украсть ценный артефакт и уйти безнаказанным. С помощью своих масок Сфинксы могли без труда выследить любой предмет, помеченный символом того или иного Дома. Но Северин знал, что артефакты доставляют на аукцион чистыми, то есть новые владельцы помечают их только в самом конце. Это означало, что между продажей и процессом передачи артефакта победителю оставалось немного драгоценного времени, когда можно было проверить кражу. В таком случае даже Сфинксы не смогли бы ничего отследить.

Но не стоило забывать, что даже непомеченный предмет надежно охранялся.

Северин окинул взглядом северную часть зала: именно там находилась комната хранения, в которой все непомеченные артефакты дожидались своих новых владельцев. На мраморном полу возле входа лежал лев из чистого кварца. Он лениво помахивал своим прозрачным, сверкающим на свету хвостом.

Раздался удар гонга, и внимание Северина переключилось на бледного мужчину, стоявшего на сцене.

– Наконец-то пришло время для нашего последнего и самого ценного лота. Этот компас, спасенный из пекинского Летнего дворца в 1860 году, был создан с помощью силы Творения еще во времена династии Хань. С его помощью можно не только ориентироваться по звездам, но и отличать ложь от правды, – объявил аукционер.

Над его головой появилась голограмма, изображающая компас. Это был предмет прямоугольной формы с круглой выемкой посередине. Его поверхность со всех сторон была испещрена китайскими иероглифами.

Перед владельцем компаса открывались потрясающие возможности, но все же Северина интересовал не сам артефакт, а карта, спрятанная внутри его. Краем глаза он заметил, как Гипнос нетерпеливо хлопнул в ладоши.

– Начальная сумма – пятьсот тысяч франков! – воскликнул аукционер, и один из представителей итальянской фракции поднял свой веер.

– Пятьсот тысяч от месье Монсерро. Кто-нибудь еще? – На этот раз руку поднял Гипнос.

– Шестьсот тысяч, – сказал аукционер. – Шестьсот тысяч раз, шестьсот тысяч два...

По залу прокатилась волна приглушенного шепота. Все присутствующие прекрасно понимали, что нет никакого смысла биться за договорной лот.

– Продано! – объявил аукционер с наигранной улыбкой. – Лот отправляется к Дому Никс за шестьсот тысяч франков. Глава Дома Гипнос, не забудьте отправить вашего посыльного вместе с одним из слуг в комнату хранения на традиционную восьмиминутную экспертизу. В конце аукциона вы сможете пометить артефакт с помощью Кольца вашего Дома.

Северин выждал пару минут, вышел из аукционного зала и торопливо направился к кварцевому льву. За спиной льва сгущалась тьма, обрамленная мраморными колоннами. Глаза животного безразлично скользнули по молодому человеку, и Северин с трудом подавил желание еще раз прикоснуться к своей маске посыльного Дома Ко?ры. Как посыльному, ему было позволено войти в комнату хранения и взять в руки один из артефактов, но только в течение

восьми минут. Северин надеялся, что украденной маски будет достаточно для того, чтобы попасть в комнату, но, если лев попросит его показать каталожную монету, – ему не жить. (Монета была создана силой Творения для того, чтобы определить местонахождение каждого предмета, помеченного символом Дома Ко?ры). Северин обыскал все вещи, что были у посыльного, но так и не смог найти проклятую монету.

Он поклонился кварцевому льву и замер в ожидании. Лев не сдвинулся с места: он пристально смотрел на молодого человека, словно хотел прожечь в нем дыру. Северин чувствовал, как от волнения затруднилось его дыхание. Он презирал себя за жгучее желание обладать этим артефактом. На самом деле, его переполняло так много желаний, что в теле вряд ли осталось место для чего-либо еще.

Северин уставился в пол и не поднимал голову до тех пор, пока не услышал скрежет перемещающихся камней. Он облегченно выдохнул, увидев, как позади льва появляется скрытая силой Творения дверь.

Вдоль стен комнаты хранения в углубленных нишах стояли статуи богов и мифических созданий. Северин сразу же направился к мраморной статуе с угрожающей бычьей головой – легендарному минотавру. Молодой человек поднес к бычьим ноздрям сотворенный карманный нож, и лезвие затуманилось от теплого дыхания. Одним непрерывным движением Северин провел кончиком ножа по лицу и телу минотавра. Мрамор зашипел, и статуя раскололась на две части: чуть не сбив Северина с ног, изнутри вывалился человек. Это был Энрике – работающий на Северина историк. Мужчина быстро пришел в себя, глубоко вздохнул и отряхнулся.

– Вы спрятали меня в минотавре? Неужели Тристан не мог создать скрытое измерение внутри какого-нибудь красивого греческого бога?

– Тристану по душе жидкие вещества. Ему сложно работать с камнем, – сказал Северин, убирая карманный нож. – Так что выбор стоял между минотавром и этрусской вазой с изображением бычьих яиц.

Энрике вздрогнул.

– Кто в здравом уме посмотрит на вазу, разрисованную бычьими яйцами, и скажет: «О да, это как раз то, что мне нужно»? Можешь не отвечать, я и сам знаю. Кто-нибудь неприлично богатый, скучающий и загадочный. – Энрике вздохнул. – Эти прилагательные прекрасно описывают все мои жизненные стремления.

Они отошли от минотавра и начали торопливо разглядывать артефакты, спрятанные в комнате хранения. Большинство из них представляло собой сотворенные древние реликвии, украденные из храмов и дворцов: здесь были и статуи, и украшения из драгоценных камней, и телескопы, и даже измерительные приборы разных эпох.

Из дальней части за ними внимательно наблюдал черный ониксовый медведь, представляющий Дом Никс. Рядом с ним взволнованно хлопал крыльями изумрудный орел – представитель Дома Ко?ры. Все животные, символизирующие другие фракции Ордена, тоже были настороже. Среди них был русский медведь, высеченный из огненного опала, созданный из берилла итальянский волк и обсидиановый орел Германской империи.

Энрике, одетый в форму слуги Ордена, вытащил из кармана прямоугольный металлический предмет, как две капли воды похожий на выигранный Домом Никс компас. Он протянул поддельный артефакт Северину.

– Между прочим, я все еще жду от тебя простого человеческого «спасибо», – обиженно сказал Энрике. – Я потратил целую вечность, чтобы изучить все исторические документы и собрать эту штуку.

– Ты бы справился гораздо быстрее, если бы не отвлекался на споры с Зофьей.

– Без этого никак. Стоит мне только вздохнуть, и твой инженер уже готова объявить мне войну.

– Ну так задержи дыхание.

– Без проблем, – сказал Энрике, закатывая глаза. – Я и так делаю это каждый раз, когда мы приобретаем очередной артефакт.

Северин засмеялся. Приобретение – именно так он называл свое специфическое хобби. Это слово звучало... аристократично. Даже благородно. Конечно, за его привычку прибирать к рукам все, что плохо лежит, стоило поблагодарить Орден. Когда они отвергли его претензии на наследование титула Дома Ванф, все аукционные дома, выставяющие на продажу сотворенные артефакты, внесли имя Северина в черный список. Возможно, если бы этого не произошло, ему не было бы так интересно узнавать, что за реликвии они от него прячут. Как выяснилось позже, некоторые из этих предметов раньше принадлежали его семье. Когда Орден объявил, что род Монтанье-Алари прекратил свое существование, все вещи Дома Ванф были распроданы. Когда Северину исполнилось шестнадцать, он получил доступ к трастовому фонду его семьи и вернул себе все, что ушло с молотка. После этого он предложил свои услуги музеям, галереям и другим организациям, желающим вернуть то, что Орден когда-то украл прямо у них из-под носа.

Если слухи об этом компасе были правдивы, то с его помощью Северин мог бы шантажировать Орден, и тогда им пришлось бы вернуть ему то, чего он хотел больше всего на свете, – его Дом.

– Ну вот, опять ты это делаешь, – сказал Энрике.

– Что?

– Твой классический «зловещий взгляд, направленный вдаль». Что ты от нас скрываешь, Северин?

– Ничего.

– Вечные секреты.

– А у меня от секретов волосы становятся более мягкими и блестящими, – сказал Северин, пригладив рукой свои кудри. – Продолжим?

Энрике кивнул.

– Проверка комнаты.

Он подбросил сотворенную сферу, и она повисла в воздухе. Из нее вырвался луч света, который начал сканировать помещение и все находящиеся в нем предметы.

– Записывающие устройства не обнаружены.

Северин кивнул, и они подошли к ониксовому медведю Дома Никс. Животное стояло на небольшом возвышении, и в его пасти можно было разглядеть красную бархатную коробочку: там находился китайский компас. Северин потянулся к ней, прекрасно осознавая, что у него есть всего восемь минут перед тем, как вернуть ее на место. В противном случае – его взгляд упал на острые зубы зверя – медведь заберет артефакт силой.

Он вытащил коробку из пасти медведя. В ту же секунду Энрике достал небольшие весы: они взвесили настоящий компас, записали результаты измерений и приготовились заменить оригинал на подделку.

Энрике выругался.

– Цифры не до конца сходятся, но будем надеяться, что это сработает. Разница минимальная, ее вряд ли заметят при измерении.

Северин сжал зубы. Ему не было дела до того, что будет заметно при измерении. Единственное, что имело значение, – заметит ли подмену ониковый медведь. Отступить было поздно.

Он положил коробку в медвежью пасть и начал просовывать ее глубже, пока кисть его руки не исчезла в глотке животного. Ониковые клыки царапали кожу. В глотке медведя было холодно и сухо: не ощущалось никаких признаков жизни. Рука Северина дрожала.

– Ты все еще дышишь? – прошептал Энрике. – Я – нет.

– От твоих комментариев легче не становится, – прорычал Северин.

Его рука ушла в глотку по локоть, но статуя стояла неподвижно. Медведь даже не моргнул.

Почему он не принимает коробку?

Гнетущую тишину нарушил громкий скрипящий звук. Северин попытался выдернуть руку, но было уже поздно. В мгновение ока клыки медведя удлинились, образуя ловушку. Энрике посмотрел на застрявшую в медвежьей пасти руку Северина, побледнел и выдавил из себя единственное слово:

– Дерьмо.

2

Лайла

Лайла проскользнула в номер посыльного Дома Ко?ры.

Ее платье – потрепанная униформа горничной, которую она вытащила из самого дальнего угла кладовой, – зацепилось за дверь, когда она заходила. Она раздраженно дернула ткань, и на юбке разошелся шов.

– Просто замечательно, – пробормотала она.

Девушка окинула комнату взглядом. Как и все номера «Эдема», помещение отличалось роскошным интерьером. Посреди этого великолепия на полу в луже собственной слюны валялся незадачливый посыльный. Лайла нахмурилась.

– Могли бы и положить тебя на кровать, бедняжка, – сочувственно вздохнула она и подтолкнула посыльного ногой, переворачивая его на спину.

Всего за десять минут Лайла немного дополнила роскошную обстановку номера. Она разбросала по полу женские серьги, накинула порванные чулки на абажур, помяла простыни и вылила на кровать полбутылки шампанского. Закончив, она присела возле посыльного.

– Небольшой подарок на прощание, – сказала она. – Или извинение. Как тебе больше нравится.

Она достала свою визитную карточку из кабаре. Затем подняла руку посыльного и прижала его большой палец к бумаге. Отпечаток заискрился, и на карточке начали появляться слова. Визитные карточки Дворца Сновидений создавались силой Творения и были рассчитаны на то, что только покровитель заведения сможет прочесть написанное, дотронувшись до бумаги. Лайла оставила визитку в нагрудном кармане посыльного, не забыв прочесть написанные на ней слова перед тем, как они растворились на кремовой бумаге:

Дворец Сновидений

Бульвар Клиши, 90

Скажи им, что тебя прислала Энигма...

Конечно, приглашение на вечеринку было слабым утешением для человека, которого ударили по голове и оставили лежать без сознания, но это была не простая вечеринка. Дворец Сновидений был самым престижным парижским кабаре, и на следующей неделе там собирались отмечать столетие Французской революции. Приглашения на эту вечеринку перепродавали на черном рынке, и они стоили не меньше бриллиантов чистейшей пробы. Но люди были так взволнованы не только из-за кабаре. Через несколько недель в городе должна была пройти Всемирная выставка 1889 года, которая стала символом индустриализации. Это означало, что «Эдем» будет забит до отказа.

– Вряд ли ты это запомнишь, но во Дворце Сновидений подают восхитительную клубнику в шоколаде, – сказала она посыльному. – Очень советую попробовать.

Лайла взглянула на часы: они показывали половину девятого. Северин и Энрике должны были вернуться минимум через час, но она никак не могла перестать сверять время. В ней теплилась отчаянная надежда. Она потратила два года на поиски древней книги, и карта, спрятанная в компасе, могла стать ответом на ее

многочисленные вопросы. Лайла повторяла себе, что с Северином и Энрике все будет хорошо. Они не новички в этом деле. Когда девушка начала работать с Северином, он пытался вернуть имущество своей семьи. Юноша помог ей с поисками древней книги. У нее не было названия, по крайней мере Лайла никогда о нем не слышала. Единственной зацепкой было то, что она принадлежала Вавилонскому Ордену.

Попытки достать карту, спрятанную внутри компаса, казались детской игрой по сравнению с тем, что ей приходилось делать раньше. В голове Лайлы все еще сохранились свежие воспоминания о том, как она висела над жерлом действующего вулкана на острове Нисирос. Тогда она пыталась найти древнюю диадему. В этот раз все было иначе: если сведения, предоставленные разведкой Северина, и исследования Энрике были верны, то этот небольшой компас был способен изменить их жизни. Или, в случае Лайлы, сохранить жизнь.

Задумавшись, Лайла начала разглаживать складки на платье. Это было ошибкой.

Она не должна была ничего трогать, но ее мысли блуждали где-то далеко. Одно неосторожное прикосновение к помятой ткани, и воспоминания этого видавшего виды платья прорвались в ее сознание: лепестки хризантемы липнут к мокрому подолу, порог кареты, обтянутый парчой, руки, сложенные в молитве и затем...

Кровь.

Повсюду кровь, карета перевернулась, сломанная кость рвет ткань...

Лайла вздрогнула и отдернула руку, но было уже поздно. Воспоминания платья не желали покидать ее разум. Она зажмурилась и начала щипать себя так сильно, как только могла. Боль расцветала в ее мыслях яркими огнями, и сознание устремилось к этой боли в надежде, что она выведет ее из темноты. Когда воспоминания поблекли, она открыла глаза и трясущимися руками спустила рукава.

Лайла сползла на пол и обхватила руками колени. Северин называл ее способность «бесценной», пока не узнал, с чего все началось. Узнав настоящую причину, он был поражен, может быть, даже напуган. Как бы то ни было, он больше никогда не заводил об этом разговор. Из всей группы только Северин

знал о том, что она могла читать историю любого предмета одним прикосновением. Бесценная или нет, эта способность не была... нормальной.

Лайла не была нормальной.

Она с трудом поднялась с пола и, открыв дверь трясущимися руками, покинула гостиничный номер.

На лестнице для прислуги Лайла торопливо стянула с себя платье горничной и переоделась в свою старую кухонную униформу. Вторая кухня отеля предназначалась исключительно для выпечки и вечерами всецело принадлежала ей. Лайле не нужно было возвращаться на сцену Дворца Сновидений до следующей недели: это означало, что у нее было много времени для второй работы.

В узком проходе она столкнулась с официантом. Он нес в зал ресторана охлажденные устрицы, суп на говяжьей косточке с перепелиными яйцами и дымящегося соq au vin[1 - Соq au vin – петух в вине, классическое блюдо французской кухни (фр.).], из-за которого в коридоре пахло бургундским вином и чесноком. Без знаменитой маски и головного убора никто не узнавал в Лайле неподражаемую звезду кабаре, известную под псевдонимом Энигма. Здесь она была очередным безликим работником отеля.

Оставшись на кухне в полном одиночестве, Лайла проверила мраморную стойку на наличие кухонных весов, кисточек и съедобных жемчужин. Здесь же стоял крокембуш[2 - Крокембуш – французский десерт, представляющий собой высокий конус из профитролей с начинкой, скрепленных карамелью, и украшенный миндалем, фруктами и засахаренными цветами.], высотой почти в два метра. Она с утра до вечера пекла профитроли и наполняла их кремом. Не забывая убедиться в том, что каждый из них был идеального золотистого цвета, она обмакивала их в карамель и крепила к сладкой пирамиде. После этого ей оставалось только украсить десерт.

«Эдем» уже не раз получал восторженные отзывы критиков и различные награды за свои блюда – Северин не согласился бы на меньшее, – но все без исключения мечтали попробовать именно десерты. Сладости, приготовленные Лайлой, не содержали ни капли силы Творения, но по вкусу были сравнимы только со съедобным волшебством. Ее торты принимали форму балерин с

раскинутыми руками: их волосы струились сахарными нитями и съедобным золотом, а их кожа, бледная, как крем, блестела жемчужной пылью.

Гости называли ее кулинарные произведения «божественными». Стоило ей оказаться на кухне – и она в самом деле ощущала себя божеством, готовым сотворить вселенную. На кухне ей легче дышалось. У сахара, соли и муки не было воспоминаний, и здесь ее прикосновение не было чем-то странным. Оно оставалось просто прикосновением.

Лайла справилась с украшением торта всего за час и добавляла последние штрихи, когда за ее спиной с грохотом распахнулась дверь. Девушка вздохнула, но не стала оборачиваться: она и так знала, кто это был.

Однажды, спустя шесть месяцев после того, как Лайла начала работать на Северина, они с Энрике играли в карты в астрономической комнате. В тот вечер Северин вошел в комнату с грязной и тощей польской девчонкой с пронзительными синими глазами на руках. Северин усадил девушку на диван и представил ее как своего инженера; на этом знакомство закончилось. Уже позже Лайла смогла узнать о незнакомке чуть больше. Зофья – именно так звали синеглазую девушку – была арестована за поджог и исключена из университета. Она обладала редкой, подаренной силой Творения связью с металлами, а также острым математическим складом ума.

Поселившись в «Эдеме», Зофья избегала всех членов группы и разговаривала только с Северином. Лайла всегда приносила угощения на их собрания и однажды заметила, что Зофья ест только простое сахарное печенье и даже не притрагивается к ярким, красочным десертам. На следующий день Лайла оставила целую тарелку сахарного печенья под дверью Зофьи. Это продолжалось на протяжении трех недель. Но однажды у Лайлы оказалось слишком много работы, и она забыла про свой маленький ритуал; позже, открыв дверь кухни, чтобы проветрить помещение, она обнаружила Зофью, которая протягивала ей пустую тарелку со взглядом, полным надежды и ожидания. С тех пор прошел целый год.

Без лишних слов Зофья схватила со стола чистую миску, наполнила ее водой и залпом выпила все содержимое, вытерев рот тыльной стороной ладони. Затем она потянулась к миске с сахарной пудрой. Лайла слегка ударила ее по руке скалкой: Зофья одарила девушку сердитым взглядом, и ее испачканный чернилами палец все равно оказался в сахарной пудре. Уже через мгновение она

отвлеклась и начала рассеянно расставлять мерные стаканчики. Лайла терпеливо ждала. С Зофьей невозможно было завязать разговор: беседа начиналась неожиданно и только с подачи самой Зофьи. Как только девушке становилось скучно, разговор так же внезапно прекращался.

– Я кое-что подожгла в номере посыльного Дома Кофры.

Лайла выронила кисточку.

– Что?! Ты должна была его разбудить, не заходя в комнату!

– Я так и сделала. Все загорелось, когда я уже вышла из номера. Это не настоящий пожар, просто мелкие поджоги...

Лайла слушала ее с широко раскрытыми глазами. Как только она открыла рот, чтобы высказать все, что думает по поводу поджогов в отеле, Зофья резко поменяла тему разговора.

– Мне не нравится костное строение крокодилов. Северин хочет, чтобы я сделала копию одной из этих Сфинксовых масок...

– Может, вернемся к теме поджога...

– ...Маска не передает оттенки выражения человеческого лица. Я должна заставить ее работать. О, и еще мне нужна новая чертежная доска.

– А что случилось со старой доской?

Зофья покрутила в руках миску с сахарной пудрой и пожала плечами.

– Ты ее сломала, – ответила за нее Лайла.

– Мой локоть случайно ее задел.

Лайла покачала головой и бросила Зофье чистое полотенце. Девушка уставилась на него в недоумении.

– Зачем мне полотенце?

– У тебя все лицо в сахарной пудре.

– И?

– ...И это повод для беспокойства, моя дорогая. Тебе нужно вытереть лицо.

Зофья нехотя вытерла лицо полотенцем. Казалось, она была вечно окружена пеплом и пламенем, отчего заработала кличку «Феникс». Несмотря на то, что такой птицы на самом деле не существовало, Зофья была не против этого прозвища. Пока она протирала лицо, полотенце зацепилось за ее необычное ожерелье, которое выглядело как нанизанные на леску острия ножей.

– Когда они вернутся? – спросила Зофья.

Лайла ощутила укол беспокойства.

– Энрике и Северин должны быть здесь к девяти.

– Мне нужно забрать мои письма.

Лайла нахмурилась.

– Так поздно? На улице уже темно, Зофья.

– Я знаю, – ответила Зофья, проведя пальцем по своему ожерелью.

Она бросила Лайле полотенце. Девушка поймала его на лету и тут же бросила в раковину. Когда она обернулась, Зофья уже схватила ложку для пудры.

– Прости, Феникс, но мне это нужно! – Зофья засунула ложку в рот. – Зофья!

Инженер ухмыльнулась. Она распахнула дверь и выбежала в коридор, все еще сжимая ложку во рту.

После того как Лайла закончила украшать десерт, девушка протерла столешницу и покинула кухню. Она не была официальным кондитером «Эдема» и, честно говоря, никогда к этому и не стремилась. Вся привлекательность этой работы состояла в том, что Лайла занималась выпечкой для своего удовольствия. Если ей не хотелось что-то готовить – она это не готовила.

Чем дальше она шла по коридору для прислуги, тем ярче и отчетливее становились звуки «Эдема»: громкий смех отражался от стеклянного перезвона капелек на хрустальных люстрах, в бокалах звонко журчало золотистое шампанское, а прозрачные крылья сотворенных мотыльков тихо трепетали, переливаясь всеми цветами радуги. Лайла остановилась напротив Кабинета Меркурия – здесь располагалась почтовая служба. Внутри можно было найти множество металлических коробок, помеченных именами отельных служащих. Не питая никаких ожиданий, Лайла открыла свой ящик ключом для прислуги и очень удивилась, когда ее пальцы нащупали внутри что-то похожее на холодный шелк. Она извлекла на свет один-единственный черный лепесток, прикрепленный к записке, в которой было всего одно слово:

Зависть.

Лайла узнает этот неразборчивый, косой почерк где угодно: Тристан. Она с усилием подавила улыбку. В конце концов, она все еще на него злилась.

Тем не менее это не мешало ей принять подарок, особенно если тот был сотворенным.

Сотворенным. Это слово все еще странно ощущалось на языке, даже после двух лет, проведенных в Париже. Империи и королевства Запада называли способности Тристана и Зофы «силой Творения», но в других культурах существовали свои термины. В Индии это искусство называлось *chhota saans* – в переводе «маленькое дыхание». Считалось, что только боги могли вдыхать жизнь в свои создания, и «маленькое дыхание» было лишь крупницей этой силы. Но, вне зависимости от названия, правила использования этих способностей были одинаковыми во всех уголках земли.

У искусства Творения существовало два направления: разум и материя. Те, чьи способности относились к материи, могли влиять на три стадии веществ: жидкости, твердые тела и газы. И Зофья, и Тристан обладали материальными

способностями. Зофья была склонна к твердым веществам, в основном к металлам и кристаллам, а Тристан проявлял талант к жидкостям. Особенно к жидкостям различных растений.

Любые способности силы Творения были связаны тремя условиями: сила воли мастера, ясность его художественной цели и ограничения выбранного элемента-проводника. Это значило, что кто-нибудь с талантом к материальной силе Творения, узкоспециализирующийся на камнях, и шагу не ступит, не изучив химические формулы, свойства и характеристики камня, с которым он собирается производить какие-либо манипуляции. Как правило, способности к Творению проявлялись до тринадцати лет. Если ребенок хотел развивать этот талант, он мог начать обучение и поступить в один из специальных европейских университетов, где студенты проводили не один год своей жизни. Кроме этого, можно было поступить на долгосрочную службу к одному из опытных мастеров Творения. Однако Тристан и Зофья не пошли ни по одному из стандартных путей. Зофью выгнали из университета прежде, чем она смогла чему-нибудь научиться, а Тристан изначально не видел в обучении никакой необходимости. Его ландшафтное искусство было похоже на лихорадочный сон духа природы. Его дизайн был тревожащим и прекрасным. Париж обожал этого юношу. В возрасте шестнадцати лет к нему уже выстраивалась внушительная очередь клиентов: их счет шел на сотни.

Поначалу Лайле было интересно, почему Тристан решил осесть в «Эдеме». Возможно, он был по-своему предан Северину. Может быть, он оставался в отеле, потому что здесь Тристану позволяли проводить свои безумные выставки арахнидов. Но когда Лайла впервые вышла в сады, располагающиеся на территории отеля, она буквально почувствовала причину, по которой Тристан остался здесь. Ее легкие заполнил аромат цветов. На город опускалась ночь, и в полутьме сад казался сумбурным и диким. Тогда она поняла. Клиенты Тристана навязывали ему свои правила, например, Дом Ко?ры, который заказал к предстоящему празднику фигурную стрижку кустов. В «Эдеме» все было иначе. Тристан любил Северина как брата, но остался он только потому, что здесь он мог творить любые чудеса, не оглядываясь на чьи-то запросы и требования.

Как только Лайла ступила в сады «Эдема», она оказалась в воображении Тристана. Вопреки названию эти сады не были райскими. Наоборот, они являли собой лабиринт семи смертных грехов.

Первый сад назывался Похотью. Здесь алые цветы произрастали прямо в трещинах статуй, раскрывая яркие бутоны прямо в их полых, раскрытых ртах. В одном углу Клеопатра давилась багровыми амариллисами и темно-розовыми анемонами. В другом Елена Троянская шептала цинниями и маками. Лайла быстро шла по лабиринту. Она прошла через сад Чревоугодия, где росли блестящие цветы, пахнущие амброзией, которые закрывали свои бутоны, стоило только протянуть к ним руку. За ним следовал сад Жадности, в котором цветы оказались заключены в тонкую оболочку из чистого золота. Дальше располагалось Уныние, заросшее густым кустарником. Гнев с его огненной палитрой цветов. Гордыня, полная огромныхдвигающихся кустов, – они были оформлены в виде могучих оленей с цветочными рогами и царственных львов с гривой из жасмина. Наконец она добралась до Зависти. Здесь все было охвачено растениями черного цвета – цвета самого греха.

Лайла остановилась у двери-теската[3 - Тескатлипока (дымящееся или огненное зеркало) – одно из главных божеств в мифологии древних майя и ацтеков. Он всегда носил с собой зеркало или щит, чтобы наблюдать за деяниями людей на земле.] недалеко от входа в сад. Со стороны тескат выглядел как обычное зеркало в красивой раме из позолоченных ветвей плюща. По словам Зофыи, двери-тескаты невозможно было отличить от обычных зеркал без специальной проверки, включающей огонь и фосфор. К счастью, Лайле не нужно было ничего проверять. Для того чтобы попасть на другую сторону, ей нужно было всего лишь дернуть за один из позолоченных листьев плюща с левой стороны рамы. Можно было назвать его своеобразной дверной ручкой. Отражение пошло рябью, и стекло теската стало совсем прозрачным.

За ним находилась мастерская Тристана. Лайла почувствовала запах земли и корней. Вдоль стен стояло множество маленьких террариумов, внутри которых находились миниатюрные ландшафты. Тристан делал их один за другим: это занятие можно было назвать его одержимостью. Когда-то юноша объяснил ей, что мечтает о более простом мире. Достаточно маленьком и удобном, чтобы его можно было уместить в ладонь.

– Лайла!

Тристан подошел к ней с широкой улыбкой на круглом лице. Его одежда была перепачкана землей, и – она выдохнула с облегчением – нигде не было видно его огромного ручного паука.

Она не ответила на его улыбку. Вместо этого девушка подняла бровь. Тристан вытер руки о свой рабочий халат.

– Значит... ты все еще злишься? – спросил он.

– Да.

– Если я подарю тебе подарок, ты меня простишь?

Лайла вздернула подбородок.

– Зависит от подарка. Но сперва извинись.

Тристан переминался с ноги на ногу.

– Я прошу прощения.

– За?..

– За то, что положил Голиафа на твой туалетный столик.

– И где же Голиаф должен был быть? Нет, даже не так: где должны быть твои насекомые?

Тристан смотрел на нее широко раскрытыми глазами.

– Где угодно, кроме твоей комнаты?

– Сойдет.

Он повернулся к своему рабочему столу, половину которого занимал большой стеклянный террариум. Тристан сдернул с него ткань, открывая Лайле насыщенно-фиолетовый цветок. Его хрупкие лепестки повторяли цвет вечернего неба: глубокий, бархатный оттенок, ожидающий появления первых звезд. Лайла провела подушечками пальцев по мягким лепесткам. Они были почти такого же цвета, как глаза Северина. Эта мысль заставила ее отдернуть руку.

– Вуаля! Узри свой подарок, сотворенный из кусочка шелка, взятого с одного из твоих костюмов... – он поймал на себе ее возмущенный взгляд. – С одного из тех, которые ты и так собиралась выбросить, клянусь!

Лайла вздохнула с облегчением.

– Итак... я прощен?

Он и так знал, что она его простила. И все же Лайла тянула с ответом немного дольше, чем было необходимо. Она постукивала ногой, тянула время и смотрела, как нервно ерзает Тристан.

– Так и быть.

По мастерской прокатился счастливый возглас Тристана, и Лайла не смогла сдержать улыбку. Стоило юноше только посмотреть на кого-то своими большими серыми глазами, как ему все сходило с рук.

– О! Я же придумал новое устройство. Хочу показать Северину. Где он?

Он поймал ее обеспокоенный взгляд, и улыбка тут же сползла с его лица.

– Они все еще не вернулись?

– Пока не вернулись, – Лайла сделала акцент на первом слове. – Не волнуйся. Ты же знаешь, перед ними стоит непростая задача. Почему бы тебе не пойти в отель? Я приготовлю что-нибудь вкусное.

Тристан покачал головой.

– Может быть, позже. Мне нужно присматривать за Голиафом. Кажется, он плохо себя чувствует.

Лайла не стала спрашивать, откуда он мог знать, как себя чувствует паук. Она молча взяла свой подарок и направилась к отелю. По дороге ее настигли мрачные мысли. Большие напольные часы пробили десять часов. Последний

удар маятника отозвался болью во всем ее теле. Они уже должны были вернуться.

Что-то пошло не так.

З

Энрике

Энрике безуспешно пытался разжать челюсти медведя.

– А помнишь, ты говорил, что будет весело?

– А можно отложить шутки на потом? – прорычал Северин сквозь сжатые зубы.

– Да, пожалуй.

Энрике пытался делать вид, что все не так плохо, но тело Северина как будто налилось свинцом. Ониксовый медведь крепко сжимал его руку. Напряжение нарастало с каждой секундой, а к руке переставала поступать кровь. Пока что медведь просто удерживал Северина на месте.

Но скоро он перекусит запястье.

По крайней мере, изумрудный орел Дома Ко?ры не вмешивался в происходящее. Эта каменная птица умела обнаруживать подозрительную активность и оживать, даже когда в опасности был артефакт не ее Дома. Энрике мысленно благодарил всех известных ему богов за эту удачу, пока не услышал тихое карканье. В ту же секунду его окатило мощным порывом воздуха, который был вызван не чем иным, как огромными птичьими крыльями.

Ну что ж.

– Это орел? – вздрогнул Северин.

Застрявшая в зубастой пасти рука не позволяла ему обернуться.

– Нет, – сказал Энрике.

Вопросительно склонив голову, на него смотрел огромный изумрудный орел. В отчаянной попытке освободить Северина Энрике еще сильнее дернул его за руку. Северин застонал от боли.

– Это бесполезно, – прохрипел он. – Я застрял. Мы должны вернуть животных в состояние сна.

Энрике был полностью с ним согласен, оставалось только выяснить, как это сделать. Сотворенные создания могли оказаться слишком опасными, поэтому все мастера были обязаны снабжать их предохранителем, называвшимся «сомно». Этот предохранитель возвращал объекты в состояние сна. Даже если Энрике найдет сомно, оно может оказаться зашифровано. Что еще хуже – если он отпустит челюсти медведя, зверь еще быстрее раздробит запястье Северина. А если они не успеют покинуть комнату хранения до того, как истекут восемь минут, сотворенные животные покажутся сущей ерундой по сравнению с тем, что их ожидает.

– Пожалуйста, не торопись, – проворчал Северин. – Я всегда мечтал умереть долгой и мучительной смертью.

Энрике отпустил челюсти медведя. Мысленно успокаивая себя, он обошел ониксового зверя. Старательно игнорируя приближающегося орла, он провел руками по черному туловищу и косматым лапам зверя. Ничего.

– Энрике, – выдохнул Северин.

Северин упал на колени. По челюсти медведя уже начали стекать струйки крови. Энрике тихо выругался и закрыл глаза. Зрение ему здесь не поможет. Комната была так слабо освещена, что полагаться можно было только на свои ощущения. Он еще раз провел пальцами по телу и животу медведя, а затем спустился к лапам, пока не нащупал что-то под коленом животного: выколотые в камне

углубления, находящиеся на одинаковом расстоянии друг от друга, словно слова в строке. От его прикосновения буквы ожили.

Fiduciam in domum

– Доверься Дому, – перевел Энрике. Он шептал эти слова снова и снова, прокручивая в голове разные варианты. – Я думаю... у меня есть идея.

– Просвети меня, – прохрипел Северин.

Медведь поднял свою тяжелую лапу, отбросившую тень на лицо Северина.

– Тебе нужно... довериться ему! – закричал Энрике. – Не пытайся вытащить руку! Наоборот, толкай ее глубже!

Северин не колебался ни секунды. Он поднялся на ноги и протолкнул руку чуть глубже, но это не принесло никаких результатов. Северин зарычал и со всей силы навалился на медведя – теперь его рука исчезла в глотке зверя по самое плечо. Энрике казалось, что каждая секунда впивалась в его кожу острыми иглами. В этот момент орел поднялся в воздух. Он кружил по комнате, пока вдруг не бросился вниз, обнажив свои острые когти. Энрике отскочил в сторону, но орел все же поцарапал кожу на его шее. В следующий раз ему повезет значительно меньше. Изумрудные когти снова устремились к шее. Орел потянул Энрике вверх, и его ноги оторвались от земли. Мужчина крепко зажмурился.

– Осторожнее с волосами... – начал он.

Внезапно Энрике бросили на пол. Он приоткрыл глаза и уставился на потолок. Где-то позади него по подставке стучали острые когти. Он приподнялся на локтях, чтобы убедиться в том, что орел вернулся на свое место и снова неподвижно застыл.

Северин с усилием поднялся на ноги и обхватил свое запястье. Затем он сильно дернул себя за руку. Энрике поморщился, услышав хруст встающих на место суставов. Северин вытер кровь о свои брюки и вытащил компас из пасти

застывшего медведя. Он убрал артефакт в карман пиджака и пригладил волосы рукой.

– Что ж, – сказал он наконец, – по крайней мере, все прошло не так плохо, как на острове Нисирос.

– Ты сейчас серьезно? – проворчал Энрике, устало шагая за своим другом. – Ты говорил, что будет легко! Что все пройдет «как во сне»!

– Кошмары – тоже часть сна.

– Я хочу уточнить: ты только что пошутил? – возмутился Энрике. – Ты понимаешь, что твою руку покалечили?

– Да, я в курсе.

– Тебя чуть не съел медведь.

– Это ненастоящий медведь.

– Еще чуть-чуть, и он по-настоящему разорвал бы тебя на части.

Северин усмехнулся.

– Скоро увидимся, – сказал он, выскальзывая за дверь.

Энрике задержался в комнате хранения, чтобы Северин мог покинуть здание аукциона в одиночестве, не вызывая лишних подозрений.

В полутьме комнаты хранения отчетливо ощущалось мертвенно-холодное присутствие сокровищ Ордена. Энрике передернуло от ярости, волной прошедшей по его телу. Ему было тяжело смотреть на скопление артефактов, привезенных со всего света и брошенных здесь, в темноте. Да, он помогал Северину совершать кражи, но величайшим вором в истории оставался Вавилонский Орден. Они воровали не только предметы, но и саму историю: проглатывали и пережевывали целые культуры, перевозили древние артефакты контрабандой и прятали их в своих холодных, безжизненных поместьях.

– Безжизненные поместья, – задумчиво прошептал Энрике себе под нос. – Неплохо звучит.

Он мог бы использовать эту фразу в своей следующей статье для испанской газеты, посвященной филиппинскому национализму. Раньше у него не было полезных связей, способных убедить людей в том, что у него есть действительно стоящие мысли, к которым можно прислушаться. Сегодняшнее предприятие могло в корне изменить положение дел.

Но сперва надо было закончить работу.

Энрике отсчитал тридцать минут. Он одернул форму слуги, поправил маску и вышел в темный зал. Проходя между мраморными колоннами, он услышал приглушенное трепетание вееров, рассекающих воздух.

Ровно в назначенное время из-за угла вышел вьетнамский посол Ву Ван Дин. Из его рукава торчало сфальсифицированное письмо. Тристан ненавидел подделывать чужой почерк, но получалось у него просто отменно. Это письмо, якобы написанное любовницей посла, не было исключением.

На прошлой неделе Энрике выпивал с послом в «Эдеме». Пока посол был увлечен беседой, Лайла вытащила письмо от любовницы Дина из его пиджака, а Тристан безупречно скопировал ее почерк: все для того, чтобы организовать эту встречу.

Энрике внимательно осмотрел одежду Дина. Как и многие послы из стран-колоний, он открыто сотрудничал с Орденом. Когда-то разные версии Ордена существовали во всех странах: каждая организация была посвящена своему специфическому источнику силы Творения, хотя не все придерживались такого названия и соотносили его появление с Вавилонскими Фрагментами. Но теперь все разнообразие интерпретаций исчезло с лица земли: сокровища были распроданы в разные страны, процесс создания сотворенных предметов изменился до неузнаваемости. Древние гильдии были поставлены перед выбором: подчиниться или умереть.

Энрике снова пригладил свою поддельную форму и поклонился.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

Он протянул руку, и внутри его начала зарождаться паника. Конечно, Дин сейчас посмотрит на него. И конечно же, он его узнает. Кончики пальцев коснулись рукава Дина.

– Нет, мне ничего не нужно, – холодно сказал Дин, отдергивая руку. Он даже не взглянул на Энрике.

– Как пожелаете, сэр.

Он снова поклонился. Пока Дин дожидался начала встречи, которая никогда не произойдет, Энрике пересек зал и медленно провел пальцами по лицу и шее. Все его тело наполнилось теплым покалыванием, и в следующее мгновение его кожа и одежда начали менять цвет, а затем и форму, полностью перенимая облик посла Ву Ван Дина.

Благодаря зеркальной пыли, покрывавшей кончики его пальцев, теперь Энрике было невозможно отличить от вьетнамского посла.

Много лет назад зеркальная пыль была запрещена и конфискована, так что Орден не рассматривал ее как реальную угрозу. Они не знали, что Северин дружил с главой таможенного контроля.

Энрике торопливо протискивался между гостями аукциона. Зеркальная пыль была действенной, но недолговечной.

Энрике сбежал вниз по главной лестнице. У ее подножия находилась дверь – тескат, которая относилась к тем временам, когда Падший Дом еще не был исключен из французской фракции Ордена. На ее раме можно было увидеть символы всех четырех французских Домов: полумесяц Дома Никс, шипы Дома Ко?ры, кусающая свой хвост змея Дома Ванф и, наконец, шестиконечная звезда Падшего Дома. Из четырех остались только Дом Никс и Дом Ко?ры. Орден официально заявил, что наследная линия дома Ванф прервалась. А Падший Дом... что ж, он пал. Предположительно главы этого Дома нашли западный Вавилонский Фрагмент и с его помощью попытались заново построить Вавилонскую башню. Они надеялись, что таким образом смогут получить не только крупицу божественной силы, которую являло собой Творение, но и всю ее

мощь. Их попытки могли стереть существующую цивилизацию с лица земли... Северин никогда не верил в эту версию. По его мнению, это Орден уничтожил Падший Дом, чтобы обрести больше силы и влияния, – Энрике же в этом уверен не был. Из всех четырех Домов Падший Дом был наиболее продвинутым. Даже тескаты, сотворенные Падшим Домом, были не просто маскировкой для входа в какое-нибудь секретное помещение. Ходили слухи, что их зеркала могли переносить людей на огромные расстояния, как порталы. Конечно, теперь уже никто не мог с уверенностью сказать, какими чудесами Творения обладал Падший Дом. На протяжении многих лет Орден пытался выяснить, куда пропало фамильное Кольцо и несметные сокровища Дома, но найти так ничего и не удалось.

Но сегодня все могло измениться.

Сквозь тескат Энрике видел сверкающие коридоры, нарядно одетую толпу и огромные хрустальные люстры. Мысль о том, что люди на другой стороне не видят ничего, кроме гладкого, отполированного зеркала, всегда приводила его в замешательство. Он чувствовал себя изгнанным богом, наделенным даром всевидения.

Он мог отчетливо видеть весь мир, хотя сам был сокрыт от посторонних глаз.

Энрике прошел сквозь тескат и оказался в одном из пышных залов оперы Гарнье – самой известной оперы в Европе.

Один из посетителей оперы поднял глаза и обомлел от удивления. Он уставился на зеркало, медленно перевел взгляд на Энрике и, наконец, принялся к своему бокалу с шампанским.

Остальные не обратили на Энрике никакого внимания. Они не знали о пропитанном силой Творения аукционном зале, который Орден держал в строжайшем секрете. Вообще все, что касалось Ордена, держалось в строжайшем секрете. Даже их приглашения открывались только после того, как гость проливал на него каплю своей крови. Если бы такое приглашение попало к кому-нибудь по ошибке, он не увидел бы ничего, кроме пустого листа бумаги.

Для несведущей общественности Вавилонский Орден был всего лишь французской исследовательской организацией, чья деятельность была

направлена на сохранение исторического наследия. Люди ничего не знали об аукционах и сокровищах, спрятанных глубоко под землей. Большинство из них даже не верило, что Вавилонские Фрагменты действительно существовали: по мнению многих, Фрагменты были лишь библейской метафорой.

Энрике пробирался сквозь толпу, на ходу дернув лацкан своего пиджака. Форма слуги начала изменять свой вид, становясь более яркой и нарядной, пока наконец не превратилась в модный вечерний костюм. Молодой человек слегка постучал пальцем по своим сотворенным часам, и тонкая полоска кожи превратилась в шелковый цилиндр, который он ловко водрузил на голову.

Перед выходом на улицу Энрике замешкался, опасаясь вери?тового каменного бюста, стоявшего у самого выхода. Такие бюсты были не просто украшением интерьера: они также выявляли любое скрытое оружие. Одна унция вери?та по стоимости могла посоперничать с целым килограммом бриллиантов, поэтому такой камень могли приобрести только владельцы дворцов и банков. Энрике удостоверился, что не взял с собой складной нож, и только после этого переступил через порог.

В Париже было слишком сыро для середины апреля. Ночь явно пожадничала, спрятав все звезды. Через дорогу уныло поблескивал черный двухколесный экипаж. Энрике забрался внутрь, и Северин поприветствовал друга кривой усмешкой.

Он постучал костяшками пальцев по потолку, и кони сорвались с места, унося экипаж в непроглядную ночь. Северин достал из кармана пиджака свою незаменимую коробочку с засушенными бутонами гвоздики, и Энрике сморщил нос. Сам по себе аромат гвоздики был довольно приятным, но за два года работы на Северина этот запах превратился в особый сигнал. Запах гвоздики свидетельствовал о том, что Северин обдумывает какой-то план: он, конечно же, обещал быть захватывающим или опасным. Или же и захватывающим, и опасным одновременно.

– Вуаля, – сказал Северин, протягивая ему компас.

Энрике провел пальцами по холодному металлу, осторожно обводя серебряные узоры. Древние китайские компасы не были похожи на западные. Это были намагниченные чаши с углублением в центре, где крутился похожий на ложку

указатель. По венам Энрике пробежала волна чистого восторга. Этот компас был создан тысячи лет назад, и он держал его в руках...

– Не стоит пытаться соблазнить неодушевленный предмет, – вставил Северин.

– Я просто люблюсь.

– Ты его ласкаешь.

Энрике закатил глаза.

– Это – бесценный исторический образец, и относиться к нему следует со всей бережностью и нежностью.

– Сначала ты должен хотя бы угостить его ужином, – сказал Северин, прежде чем указал на металлические края компаса. – Ну что? Он оправдал наши ожидания?

Энрике взвесил компас в руке и еще раз изучил его очертания. Прощупав край, он обнаружил, что по бокам металл немного деформирован. Он постучал по поверхности компаса и поднял глаза.

– Он полый, – прошептал Энрике.

Он сам не понимал, что его так поразило. Энрике и так знал, что компас пуст внутри, но надежда обнаружить в нем карту казалась такой реальной. Он не знал, к чему она вела, но если Вавилонский Орден приложил все усилия, чтобы ее спрятать, это точно было что-то ценное. Энрике был почти уверен, что карта вела к сокровищам Падшего Дома.

– Ломай его, – сказал Северин.

– Что? – Энрике прижал компас к груди. – Ему же тысячи лет! Должен быть другой способ достать карту, осторожно открыть его...

Северин резко подался вперед. Энрике попытался увернуться, но ему не хватило ловкости. Одним быстрым движением Северин выхватил компас и сжал его с

обеих сторон. Прежде чем Энрике успел что-либо понять, он услышал этот ужасный звук. Короткий, безжалостный...

Треск.

Из компаса выпал какой-то предмет и со стуком упал на пол экипажа. Северин добрался до него первым и в течение минуты рассматривал его в тусклом освещении, пока легкие Энрике сжимались от волнения. Предмет, спрятанный в компасе, совершенно точно являлся картой. Оставался только один вопрос: куда же она ведет?

4

Зофья

Париж больше всего нравился Зофье по вечерам.

Днем на улицах города было слишком много шума, запахов, грязи и людей.

Закат приглушал все яркие цвета и звуки. В таком виде город становился более-менее сносным.

Возвращаясь в «Эдем», она крепко прижимала к груди письмо от своей сестры. Хела была бы в восторге от Парижа. Ей бы понравились стройные липы, выстроившиеся вдоль улицы Бонапарт. Всего их было четырнадцать. Она бы нашла деревья конского каштана очаровательными. Каштанов было девять. Но ей не понравилось бы обилие запахов. Их было слишком много.

В эту минуту Париж не казался ей красивым. Булыжную мостовую покрывал слой навоза, а люди справляли нужду прямо под уличными фонарями. И все же город был наполнен жизнью: все здесь находилось в постоянном движении. Даже горгульи, украшающие фасады зданий, выглядели так, словно собирались вот-вот взлететь в воздух. Ничему здесь не было свойственно одиночество.

Плетеные стулья составляли компанию верандам, а ярко-фиолетовая бугенвиллея обвивала каменные стены. Даже Сена, проходящая через Париж как чернильная полоса, не казалась заброшенной. Днем по ней ходили лодки, а ночью на ее поверхности танцевали отражения уличных огней.

Зофья украдкой посматривала в письмо сестры каждый раз, когда проходила под очередным фонарем. Она читала по несколько предложений за раз и понимала, что не может остановиться. Каждое слово отзывалось в ее голове голосом Хелы.

Зося, пожалуйста, скажи, что ты пойдешь на Всемирную выставку! Если не пойдешь – я все равно узнаю. Поверь, сестренка, тебе не обязательно постоянно сидеть в лаборатории. Иногда не помешает выйти из классного кабинета, вдруг научишься чему-то новому? Кроме того, я слышала, что на выставке будет проклятый алмаз и принцы из дальних стран! Может, ты привезешь одного из них домой, и тогда мне больше не придется изображать гувернантку перед нашим жадным дядюшкой. Как этот человек может быть братом нашего отца – одному Богу известно. Пожалуйста, сходи на выставку. В последнее время ты посылаешь так много денег, что я волнуюсь: вдруг ты ничего не оставляешь для себя? Ты здорова? Счастлива? Пожалуйста, Огонек, ответь мне поскорее.

Хела знала не все. Зофья не училась в школе. И все же она действительно многому научилась за пределами классной комнаты. За последние полтора года она научилась изобретать вещи, о которых в Академии Высоких Искусств даже не подозревали. Она выяснила, как открыть накопительный счет, который очень скоро мог ей пригодиться, если карта, добытая Северином, оправдает их ожидания. У нее будет достаточно денег, чтобы оплатить медицинскую школу Хелы. Самым ужасным уроком, который ей неукоснительно пришлось познать, была ложь, пропитавшая ее письма к сестре. Когда она впервые соврала, пусть даже на бумаге, ее стошнило. Ее переполняло чувство вины, и она проплакала целый час, пока ее не нашла и не утешила Лайла. Зофья не могла взять в толк, как Лайла поняла, что именно ее беспокоит. Она просто знала. Зофья, которой всегда было сложно вести разговоры, чувствовала облегчение и благодарность за то, что ей не пришлось ничего объяснять.

Зофья думала о Хеле, когда перед ней неожиданно возник мраморный вход в Академию Высоких Искусств. Она отшатнулась, чуть не выронив все свои письма.

Мраморный вход не сдвинулся с места.

Вход был сотворен таким образом, чтобы появляться перед студентами в двух кварталах от Академии: это был превосходный образец совместной работы способностей материи и разума. Такое было под силу только мастерам Академии.

Когда-то Зофья училась у них.

– Я вам не нужна, – тихо сказала она.

Слезы жгли ее глаза. Зофья моргнула, и перед ней возникли картины недавнего прошлого: она вспомнила, что привело к ее исключению. После года обучения ее одноклассники сильно изменились. Сначала ее умения их восхищали. Потом ее талант стал для них оскорбителен. Поползли слухи. Когда она только поступила в Академию, никого не волновало ее еврейское происхождение. Но все изменилось, когда студенты начали судачить о том, что евреи могут украсть что угодно.

Даже чью-то способность к силе Творения.

Конечно, это было наглой ложью, и она старалась не обращать внимания на нелепые слухи. Ей стоило быть осторожнее, но в этом-то и состоит проблема со счастьем. Оно ослепляет.

Какое-то время Зофья действительно была счастлива. Но однажды вечером перешептывания других учеников окончательно вывели ее из себя. В тот день у нее случилась истерика прямо в лаборатории. Там было слишком много звуков. Слишком много смешков. Слишком много света, пробивающегося сквозь занавеску. Она забыла наставление родителей считать от десяти до одного, чтобы успокоиться. После этого случая перешептываний стало еще больше. Сумасшедшая еврейка. Через месяц десять учеников заперлись вместе с ней в лаборатории. Все повторилось снова: запахи, звуки, смех. Они не хватали ее, потому что им было хорошо известно: легкое, как перышко, прикосновение приносило ей куда больше боли. Она не могла успокоиться, сколько бы ни считала до одного, сколько бы ни умоляла ее отпустить или хотя бы сказать ей, в чем она провинилась.

Кто-то толкнул ее так сильно, что она упала на пол. Кто-то задел локтем пробирки, стоявшие на столе. Содержимое пробирок слилось в одну большую лужу, которая растеклась по полу и коснулась ее пальцев. У нее в руке был зажат кусочек кремня, и в тот момент в ее разуме зажглась ярость. Огонь. Эта мимолетная мысль, как и учили мастера Творения, пробежала по ее пальцам и достигла растекающейся по полу лужи. Жидкость загорелась, быстро превратившись в стену пламени.

При взрыве пострадало семь учеников.

Ее обвинили в умышленном поджоге, признали сумасшедшей и поместили в тюрьму. Там она, скорее всего, и умерла бы, если бы не Северин. Он нашел и освободил ее, а потом, к ее пущему удивлению, дал работу. Он предоставил шанс вернуть то, что она потеряла, – выход из положения.

Зофья потерла пальцами татуировку на правом кулаке. К счастью, татуировка была временной, иначе ее мать пришла бы в ужас. С татуировкой ее не стали бы хоронить на еврейском кладбище. На самом деле это был контракт между ней и Северином, заключенный сотворенными чернилами: если один из них нарушит договор, его вечно будут преследовать кошмары. Северин использовал для этой цели именно татуировку – знак равенства между ними – вместо бессмысленных формальных бумаг. И это говорило о многом. Зофья поклялась себе, что никогда этого не забудет.

Она развернулась на каблуках и торопливо покинула улицу Бонапарт. Может быть, мраморный вход не умел отличать настоящих учеников от исключенных и поэтому оставался на месте, пока она не скрылась за углом.

Вернувшись в «Эдем», Зофья направилась в астрономическую комнату. Северин организовал срочное собрание, как только они с Энрике вернулись с их последним приобретением – всего-навсего красивым словом, обозначающим украденную вещь.

Зофья никогда не пользовалась главной лестницей, которая находилась в центральном холле. Она не хотела смотреть на разодетых людей, которые смеялись, болтали и танцевали в свое удовольствие. К тому же там было очень шумно. Вместо этого она направилась к служебной лестнице, где и столкнулась

с Северином. Несмотря на то что юноша выглядел изрядно потрепанным, он усмехнулся, приветствуя ее. Зофья заметила, как осторожно он придерживает свое запястье.

– Ты весь в крови.

Северин опустил взгляд, рассматривая свою одежду.

– Представь себе, я и сам это заметил.

– Ты умираешь?

– Не больше, чем обычно.

Зофья нахмурилась.

– Я в порядке, не переживай.

Она потянулась к дверной ручке.

– Я рада, что ты не умер.

– Спасибо, Зофья, – сказал Северин, чуть заметно улыбнувшись. – Я присоединюсь к вам позже. Хочу показать вам кое-что с помощью мнемо-жучка.

Маленький серебряный жук, сидевший на плече Северина, поспешно скрылся под лацканом его пиджака. Мнемо-жучки записывали звуки и изображения, которые могли воспроизвести в виде голограммы. Это означало, что Зофье стоило приготовиться к обилию света в комнате. Северин знал, как ей это не нравилось. Кивнув, Зофья зашла в комнату, оставив его в коридоре.

Астрономическая комната успокаивала Зофью. Она была широкой и просторной, со стеклянным куполом, позволяющим наблюдать за звездами. Вдоль стен стояли модели Солнечной системы, телескопы, шкафы с отполированными кристаллами и полки с выцветшими книгами и манускриптами. Посреди комнаты находился низкий кофейный столик. Он был испещрен штрихами сотен планов и схем, которые родились на его деревянной поверхности. Его окружал полукруг

из стульев. Зофья прошла к своему месту: это был высокий металлический табурет с потертой подушечкой. Табурет был идеальным вариантом для Зофьи, так как она не любила, когда что-то касалось ее спины. На бархатной зеленой кушетке напротив нее растянулась Лайла, задумчиво обводя пальцем ободок чашки. В роскошном кресле, заваленном подушками, расположился Энрике. Он внимательно читал книгу, лежавшую на его коленях. Незанятыми оставались только два места: большая подушка Тристана, который не любил высоту, и темно-вишневое кресло, которое Зофья Сотворила для Северина. От чужого прикосновения кресло тут же обрастало острыми лезвиями.

В комнату ворвался Тристан, протягивая вперед обе руки.

– Смотрите! Я думал, что Голиаф умирает, но, оказывается, с ним все в порядке. Он просто линял!

Энрике закричал. Лайла подобрала ноги и вжалась в спинку кушетки. Зофья подалась вперед, изучая огромного тарантула в руках Тристана. Девушку не пугала математика, а пауки, пчелы и все прочее, на ее взгляд, подчинялись математическим законам. Паутина состояла из множества радиусов и логарифмической спирали, а ее светорассеивающие свойства заслуживали отдельного внимания.

– Тристан! – воскликнула Лайла. – Что я говорила насчет пауков?

Тристан поднял подбородок.

– Ты сказала не приносить их в твою комнату. Это не твоя комната.

Встретив пылающий взгляд Лайлы, он испуганно сжался.

– Пожалуйста, разрешите ему остаться на собрании. Голиаф не похож на других. Он особенный.

Энрике прижал колени к груди и содрогнулся.

– Что в нем такого особенного?

– Ну, – сказала Зофья, – как у многих представителей семейства мигаломорфных пауков, клыки тарантулов направлены вниз. У этой же особи они выгнуты вперед и по своему строению напоминают клешни. Это довольно необычно.

Энрике замолчал.

– Ты запомнила, – просиял Тристан.

Зофья не находила эту информацию особенно ценной, просто она запоминала практически все, что слышала. К тому же Тристан тоже внимательно слушал ее объяснение про арифметическое строение паучьей сети.

Энрике замахал руками в сторону двери.

– Пожалуйста, Тристан, убери его. Я тебя умоляю.

– Вы не рады за Голиафа? Ему было так плохо все эти дни.

– А мы можем радоваться за Голиафа так, чтобы нас с ним разделяло толстое стекло, сетка и забор? И еще, пожалуй, огненная стена, – спросил Энрике.

Тристан умоляюще посмотрел на Лайлу. Зофье это выражение было хорошо знакомо: широко раскрытые глаза, жалобные брови, ямочка на подбородке и трясущаяся нижняя губа. Зофья одобряла этот метод: нелепо, но эффективно. Но Лайла закрыла глаза руками.

– Не сработает, – строго сказала она. – Строй свои щенячьи глазки кому-нибудь другому. Голиаф не может остаться на собрании. Это мое последнее слово.

Тристан надулся.

– Ну и ладно.

Затем он наклонился к Голиафу и пробормотал:

– Я сделаю тебе пирог из сверчков, дружище. Не расстраивайся.

Как только Тристан вышел из комнаты, Энрике повернулся к Зофье:

– Мне всегда было жаль Арахну после ее состязания с Минервой, но я терпеть не могу ее потомков[4 - Энрике имеет в виду миф об Арахне, по сюжету которого заносчивая девушка проиграла богине Минерве состязание по вышиванию и была превращена в паука.].

Зофья ничего не ответила. Люди с их разговорами и так были для нее сложным шифром – тем более, когда они использовали незнакомые ей слова и выражения. Энрике сбивал ее с толку больше всех. Речь историка была витиеватой и изящной. Она не могла понять, когда он злится: вне зависимости от настроения с его лица не сходила легкая полуулыбка. Если бы она попыталась ответить на его ремарку, то выставила бы себя дурой. Поэтому девушка молча вытащила из кармана коробок спичек и начала вертеть его в руках. Энрике закатил глаза и вернулся к своей книге. Зофья знала, что историк о ней думает, ведь однажды она подслушала, что он о ней говорит: Энрике считал ее заносчивой.

Пусть думает, что хочет.

Прошло еще немного времени, и Лайла начала предлагать всем чай и десерты, убедившись в том, что Зофья получила ровно три идеально круглых сахарных печенья. Наконец вернулся Тристан; с трагичным лицом он плюхнулся на свою подушку.

– Если вам интересно, Голиаф оскорблен до глубины души. Мой товарищ просил передать...

Но они так и не успели узнать о претензиях паука: в тот самый момент на кофейный столик упал яркий луч. Свет в комнате погас. Потом постепенно начало появляться изображение металлического предмета. Зофья осмотрелась и заметила Северина, стоящего за спиной у Тристана. Она не слышала, как он вошел.

Взгляд Тристана проследовал за ее движениями; увидев Северина, юноша чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Обязательно вот так подкрадываться? Я не слышал, как ты вошел!

– Это часть моего образа, – сказал Северин.

Энрике захохотал, а вот Лайле было явно не до смеха. Она неотрывно смотрела на окровавленную руку Северина. Затем ее плечи немного расслабились, будто она почувствовала облегчение от того, что в крови была только его рука. Зофья знала, что Северин жив и, по-видимому, чувствует себя достаточно хорошо, чтобы проводить собрание. Поэтому она решила сосредоточить все свое внимание на предмете. Это была квадратная металлическая пластина с закрученными символами в каждом из четырех углов. В центре находился большой круг. Внутри его можно было увидеть ряды маленьких черточек, складывающихся в квадраты.

– Это то, что мы планировали приобрести несколько недель? – спросил Тристан. – Что это? Какая-то игра? Я думал, мы охотимся за картой, спрятанной внутри компаса.

– Как и я, – вздохнул Энрике.

– Я рассчитывал на то, что внутри окажется карта, ведущая к сокровищам Падшего Дома, – добавил Тристан.

– А я рассчитывала, что она приведет к древней книге Ордена, утерянной много лет назад, – сказала Лайла. На ее лице читалось сильное разочарование. – А что ты думала по поводу карты, Зофья?

– Я точно не думала, что она будет выглядеть вот так, – ответила Зофья, указывая на диаграмму.

– Похоже, все мы ошиблись, – сказал Тристан. – Теперь нам нечем шантажировать Орден.

– Раз никто из нас не угадал, то никому не придется испытывать на себе новый яд Тристана, – заметила Лайла.

– Туше! – воскликнул Энрике, поднимая свой бокал.

– А вот это было обидно, – возмутился Тристан.

– Не спешите отчаиваться, – сказал Северин, выступая вперед. – Эта диаграмма может оказаться полезной. Должна же быть веская причина тому, что патриарх Дома Никс хотел заполучить этот компас. К тому же наша разведка не напрасно так внимательно следила за этой сделкой. Энрике, не посветишь нас в устройство этой схемы? Или ты слишком занят молитвами за мою бессмертную душу?

Энрике нахмурился и захлопнул свою книгу. Зофья опустила глаза на обложку и поняла, что он держит в руках Библию. Она инстинктивно отпрянула.

– Твоей душе уже ничего не поможет, – сказал Энрике.

Он отказался и указал на голограмму.

– То, что вы видите перед своими глазами, может показаться замысловатой настольной игрой. На самом же деле это яркий пример китайской клеромантии. Клеромантия – разновидность предсказания, которое представляет собой случайные номера. Они интерпретируются как воля Бога или воля другой сверхъестественной силы. Внутри этой серебряной диаграммы находятся шестьдесят четыре гексограммы. Такие же есть в «И цзин» – древнекитайской книге с предсказаниями, чье название можно перевести как «Книга Перемен». Эти гексограммы, – он указал на маленькие квадраты, – связаны с определенными зашифрованными словами, такими как «сила» или «убывающий». Предполагается, что результат расшифровки – предсказание судьбы.

– А что насчет символов в углах? – спросил Тристан.

Эти символы не были похожи на китайские иероглифы и не имели ничего общего с четкими линиями гексограмм:

– Это... На самом деле, я не уверен, – признался Энрике. – Это не похоже на часть китайского предсказания. Может, кто-то из бывших владельцев выгравировал свою подпись? В любом случае, это не похоже на карту, и, честно говоря, я разочарован. Но это не значит, что мы не сможем выручить за табличку хорошие деньги.

Лайла приподнялась на локтях, склонив голову набок.

– Если только это не зашифрованная карта.

В комнате стало тихо. Северин пожал плечами.

– Почему бы и нет? – тихо сказал он. – У кого-нибудь есть идеи?

Зофья считала короткие линии. Закончив, она сосчитала их снова. В ее голове начала складываться закономерность.

– Здесь нет ничего такого, чего бы мы еще не видели, – ободряюще сказал Северин. – Помните подводный храм Исиды?

– Я помню его слишком хорошо, – ответил Энрике. – Кажется, ты говорил, что там не будет акул.

– Но там и в самом деле не было акул.

– Ах да. Только огромные механические левиафаны с плавниками на спинах. Прошу прощения.

– Извинения приняты, – кивнул Северин. – Итак. Теперь, когда у нас есть шифр, нужно пересмотреть наши цели. Что, если это не просто карта, а намек на то, к чему она ведет?

Тристан нахмурился.

– Куча предсказательных линий вряд ли укажет на сокровище, дорогой братец.

– Линии, – задумчиво сказала Зофья, перебирая свое ожерелье. – Может, это и не линии вовсе?

– Это, – Северин указал на Зофью, – как раз тот образ мышления, который мне нужен. Обдумывайте каждое предположение и ставьте его под сомнение.

– Возможно, стоит осмотреть табличку под другим освещением? – задумался Тристан.

– А символы в углах могут иметь связь с чем-то, что станет подсказкой? – предположил Энрике.

Зофья молчала, но в ее глазах диаграмма как будто отделилась от металла и стала более подвижной. Она прищурилась, рассматривая узор.

– Числа, – вдруг сказала она. – Если поменять линии на числа... все меняется. Мы делали что-то похожее в прошлом году, когда решали загадку, закодированную с помощью греческого алфавита. Я запомнила, ведь тогда Северин взял нас на экспедицию на остров Нисирос.

Все пятеро дружно поежились. Тристан прижал колени к груди.

– Я ненавижу вулканы.

Зофья выпрямилась в предвкушении. Закономерность в ее голове наконец обрела окончательную форму.

– Каждая из гексограмм состоит из сплошных и прерывистых линий. Если вместо сплошных линий подставить нули, а вместо прерывистых – единицы, мы получим последовательность нулей и единиц. Это похоже на двоичную систему исчисления.

– Но это не говорит ничего о сокровище, – сказал Тристан.

– Вот тут ты не прав. В древности люди были просто одержимы числами, – задумчиво сказал Энрике. – Это видно даже по произведениям искусства тех времен. И это наводит меня на мысль, что с этой диаграммой не все так просто.

Может, это вовсе не странная система исчисления. Хмм...

Энрике наклонил голову и указал на символы в углах пластины.

– Северин, можешь отредактировать изображение и соединить угловые символы?

Северин изменил мнемо-голограмму, отделив углы от пластины, уменьшив диаграмму «И цзин» и поместив угловые символы рядом друг с другом.

– Другое дело, – сказал Энрике. – Теперь мне все ясно. Северин, помести их в квадрат и измени порядок. Поверни первый символ горизонтально, соедини со вторым символом, третий должен остаться внизу, а четвертый передвинь влево.

Северин последовал инструкции, и, когда он закончил, перед ними появился новый символ:

– Глаз Гора, – выдохнул Энрике.

Зофью захлестнула зависть.

– Как... – выдавила она. – Как ты это увидел?

– Так же, как ты увидела числа и линии, – самодовольно ответил Энрике. – Признайся, ты впечатлена.

Зофья скрестила руки на груди.

– Нет.

– Я ослепляю тебя своим блестящим умом.

В поисках помощи Зофья повернулась к Лайле.

– Пусть он перестанет.

Энрике картинно поклонился и снова указал на изображение.

– Глаз Гора также известен как Уаджет. Это древний египетский символ царской власти и защиты. Со временем большинство Глаз Гора было утеряно...

– Нет, – возразил Северин. – Не утеряно. Уничтожено. Во время египетской экспедиции Наполеона в 1798 году Орден отправил делегацию, целью которой было найти и конфисковать все Глаза Гора. Дом Ко?ры отправил туда половину членов семьи – именно поэтому они до сих пор хранят большую часть древнеегипетских артефактов в Европе. Если после той экспедиции уцелел хотя бы один сотворенный Глаз Гора, то найти его можно только у них.

– Что, если все Глаза действительно были уничтожены? – спросила Лайла.

– Это секретная информация, которой владеет лишь правительство и сам Орден, – сказал Северин. – Я думаю, один из Глаз Гора указывал на нечто, что несло угрозу всей наполеоновской артиллерии. Наполеон не мог потерять все свое оружие.

– А другая теория? – спросила Лайла.

– Наполеону не нравилось, как Глаза Гора на него смотрели, и поэтому он приказал их уничтожить, – сказал Тристан.

Энрике засмеялся.

– Но почему на диаграмме «И цзин» изображен Глаз Гора? – продолжила Зофья. – Если это действительно последовательность нулей и единиц – что Глаз может в ней видеть?

Энрике замер.

– Видеть, – его глаза широко раскрылись. – Ноль и единица... и виденье. Зофья, ты – гений.

Она лишь пожала плечами.

– Я знаю.

Энрике потянулся за Библией, которую он оставил на кофейном столике, и начал торопливо листать страницы.

– Я читал это раньше для перевода, над которым я работаю, но математическая связь Зофии просто идеальна. А, вот оно. Бытие 11:4–9, также известное как глава о Вавилонской башне. Мы все ее знаем. Это этиологическая повесть, призванная объяснить не только наличие множества разных языков, но и появление силы Творения в нашем мире. Вкратце: люди решили построить башню до самого неба, Богу это не понравилось, и он создал новые языки, чтобы люди перестали понимать друг друга и не смогли закончить строительство, – сказал он перед тем, как зачитать вслух, – ...и люди больше не могли строить город. Посему имя ему – Вавилон, ибо там Господь смешал языки всего мира и оттуда рассеял их по земле. Но был Он восхищен мастерством своих творений, а потому рассеял обломки башни по миру, и каждый камень, отмеченный Его прикосновением, отныне нес на себе крупицу божественной силы создавать все из ничего.

Все из ничего.

Зофья слышала эту фразу раньше...

– Ex nihilo, – сказал Северин, широко улыбаясь. – На латыни это значит «из ничего». Что является математическим эквивалентом «ничего»?

– Ноль, – сказала Зофья.

– Таким образом, движение от нуля до одного и есть божественная сила, ведь что-то появляется из ничего. Вавилонские Фрагменты считаются носителями

божественной силы. Они оживляют предметы, исключая только воскрешение мертвых и создание живых существ, – сказал Энрике.

Зофья заметила, как улыбка начала сползать с лица Лайлы. Продолжая сидеть в кресле, Энрике подался вперед, его глаза сияли.

– Если я угадал значение диаграммы, то при чем тут Глаз Гора?

Лайла шумно выдохнула.

– Ты говорил, что Глаз Гора указал на что-то... и что бы это ни было, оно оказалось достаточно опасным, чтобы Наполеон позаботился об уничтожении всех Глаз. Что может быть настолько опасным, чтобы угрожать целой империи? Что-то связанное с божественной силой? Мне в голову приходит только одна вещь.

Северин вжался в спинку своего кресла. Зофье показалось, что все мысли в ее голове застыли, как по команде. Она чувствовала, что стоит на краю пропасти. Как будто последующие за этим слова навсегда изменят ее жизнь.

– Другими словами, – медленно сказал Северин, – ты думаешь, что Глаз Гора способен обнаружить Вавилонский Фрагмент.

5

Северин

Северин всматривался в сияющую темноту Глаза Гора. В тот момент воздух наполнился запахом металла.

Он почти видел это. Серая пелена застилает небо, словно болезнь, расползающаяся все дальше и дальше. В облаках мелькают оскаленные клыки молнии, готовые сомкнуться в любой момент. По ощущениям осознание было

похоже на шторм. Он не мог остановить то, что будет дальше.

Он и не хотел.

Когда Северин впервые услышал о компасе, он решил, что спрятанная внутри карта приведет его к сокровищам Падшего Дома – единственным в мире сокровищам, ради которых Орден был готов на все. Но это... Будто он тянулся за спичкой, но в его руке оказался целый факел. Орден хранил охоту за Глазами Гора в тайне, и теперь юноша знал, почему. Если бы кто-нибудь нашел Западный Фрагмент, он смог бы уничтожить само Творение; не только во Франции, но и во всей Европе. Без мастерства Творения их цивилизация непременно умерла бы, как умерли и другие до нее. И если Орден знал о тайне Глаза Гора, то остальной мир – нет. Колониальные гильдии, загнанные Орденом в подполье, тоже ни о чем не догадывались. Северин и представить себе не мог, на что пойдут гильдии ради информации о Вавилонском Фрагменте и на что готов Орден ради защиты своих тайн.

– Мы же не... – Энрике не мог подобрать слов, чтобы закончить предложение. – Правда?

– Ты, наверное, шутишь, – сказала Лайла.

Поддавшись своей нервной привычке, она снова и снова щипала кончики своих пальцев. Когда ее разум затуманивали тяжелые мысли, она не могла коснуться ни одного предмета, не читая при этом его прошлое. Мир становился слишком ярким, слишком навязчивым. Но когда она была отвлечена приятными раздумьями, все вокруг словно исчезало. Энрике очень хорошо об этом помнил.

– Это может нас убить.

Северин не видел лица Лайлы, но он чувствовал, как она сверлит его своими темными глазами. Он смотрел только на Тристана, который был ему как брат во всем, кроме родства по крови. В темноте он казался еще моложе своих шестнадцати лет. В голове Северина вспыхнули воспоминания... Как они прятались в розовом кусте, сжимая друг друга за руки, пока острые шипы царапали их кожу, а отец, которого они называли Гневом, выкрикивал их имена. Северин раскрыл и снова сжал руку. В тусклом освещении комнаты сверкнул длинный серебряный шрам, пересекающий его правую ладонь. У Тристана был

точно такой же.

– Ты же не шутишь, верно? – тихо спросил Тристан.

Все это время он искал артефакт, способный стать краеугольным камнем в его торгах с Орденом. Артефакт, который заставит их восстановить утраченное наследие Дома Ванф. Вместо этого он обнаружил информацию, которая может стать для него как благословением, так и проклятием... в зависимости от того, как он будет играть в эту игру. Северин достал свою коробочку с гвоздикой.

– Этой информации недостаточно, – осторожно начал он. – Перед тем, как принять решение, я хочу узнать больше.

Тристан выругался себе под нос. Остальные выглядели пораженными, и даже Зофья растерянно уставилась на свои коленки.

– Это опасное знание, – сказал Тристан. – Лучше бы ты просто оставил этот компас у дверей Дома Никс.

– Все стоящие вещи – опасные, – сказал Северин.

– Надеюсь, мы не собираемся завтра же отправиться в Орден и заявить, что теперь мы знаем их маленький секрет. Я предпочитаю не торопиться, – фыркнул Энрике. – Ведь медленная, мучительная смерть – она всегда лучше, правда?

Северин поднялся со своего кресла. Ему предстояло принять важное решение, и он не хотел, чтобы его глаза были с ними на одном уровне. Ему было нужно, чтобы они смотрели на него снизу вверх. Все подняли головы.

– Подумайте, что это значит для нас. Мы можем получить все, что хотели.

Энрике устало провел рукой по лицу.

– Ты когда-нибудь слышал о мотыльках, которые смотрели на огонь и думали: «Как красиво блестит!», а потом сгорали в пламени?

– Слышал.

– Хорошо. Я просто уточнил, на всякий случай.

– Что насчет Гипноса? – спросила Лайла.

– При чем тут Гипнос?

– Ты думаешь, он не заметит пропажи? Говорят, он относится к своей собственности достаточно... ревностно. А если он знает, что спрятано внутри компаса?

– Я в этом сомневаюсь, – сказал Северин.

– Ты думаешь, он не мог об этом узнать?

– Нет. У него же нет тебя.

Глаза Лайлы расширились, и он поспешно исправился, обводя рукой всех присутствующих:

– Всех вас.

– О-о-о... – умилился Энрике. – Это очень мило с твоей стороны. Я заберу это ценное воспоминание с собой в могилу. Буквально.

– Зофья и Энрике создали прекрасную подделку. Гипнос даже не догадается, что мы его обманули.

Энрике вздохнул.

– Поблагодарим Господа за то, что я такой гениальный.

– Я тоже, – добавила Зофья, скрестив руки.

– Конечно, – мягко сказала Лайла. – Вы оба – настоящие гении.

– Да, но я одарен в гораздо большей... – обиженно начал Энрике.

Северин прервал их двумя громкими хлопками.

– Теперь, когда артефакт в наших руках, мы должны внимательно его изучить. Не будем строить долгосрочных планов и загадывать на будущее. Мы не будем делать ничего, пока не поймем, с чем имеем дело. Это понятно?

Четверо кивнули. На этом собрание было окончено, и все медленно поднялись со своих мест. Энрике первым направился к двери, но, поравнявшись с Северином, он замедлил шаг.

– Помнишь?

Энрике скрестил большие пальцы и странно помахал руками.

– Ты показываешь птицу?

– Мотылька! – воскликнул Энрике. – Мотылька, летящего на огонь!

– Меня тревожит состояние твоего мотылька, с ним явно не все в порядке.

– Это метафора.

– Твоя способность подбирать метафоры тоже вызывает беспокойство.

Энрике закатил глаза. Зофья, набившая карманы печеньем, протиснулась между ними.

– Ты работаешь над масками Сфинксов?

– Почему ты спрашиваешь? – спросила она, даже не обернувшись.

– Они могут понадобиться в любой момент, – ответил Энрике.

– Хм.

Обернувшись, Северин замер на месте. В комнате было достаточно темно, но все тусклые отблески света как будто собрались в одном месте, чтобы осветить Лайлу. Кажется, весь мир хотел оказаться поближе к ней: каждый лучик света, каждая пара глаз, каждый атом. Может быть, поэтому он иногда не мог даже и дышать в ее присутствии.

Возможно, дело было в воспоминании, душившем его в те моменты. Воспоминании об одной ночи, которое они оба поклялись оставить в прошлом. Лайла выполнила обещание, а вот он – нет.

Девушка вскочила с места и решительным шагом направилась к нему. Как обычно, она словно сияла изнутри. Лайла не могла смотреть, как кто-то держит пустую тарелку, и всегда считала, что все вокруг страшно голодно. Она знала секреты окружающих, даже не считывая их с вещей. Во Дворце Сновидений она превращала это сияние в приманку для посетителей. Таким образом, она получила свое звездное жалованье и имя «Энигма». Загадка. Но этим вечером она не удостоила его улыбкой. В ее темных глазах не было ни капли теплоты.

Ой-ей.

– Не посочувствуешь мне даже немного? – спросил он. – Между прочим, я ранен.

– Как любезно с твоей стороны отложить момент своей смерти, чтобы я тоже могла присутствовать на этом грандиозном событии. – В голосе Лайлы сквозил холод. Но чем больше она смотрела на его запястье, тем мягче становились черты ее лица. – Ты мог пострадать гораздо серьезнее.

– За свои желания приходится платить, – весело сказал он. – Проблема в том, что у меня слишком много желаний.

Лайла покачала головой.

– У тебя всего одно желание.

– Неужели?

Его тон был шутливым, но выражение лица Лайлы резко сменилось на более томное.

Она придвинулась ближе и провела рукой по его груди.

– Я скажу тебе, чего ты хочешь.

Северин не двигался. Она была так близко, что юноша мог сосчитать ее ресницы и разглядеть золотое свечение ее кожи. Он вспомнил ощущение ее дыхания, опаляющее щеку. Северин чувствовал жар ее кожи даже сквозь рубашку. Что она задумала? Пальцы Лайлы скользнули в карман его пиджака: она вытащила серебряную коробочку, открыла защелку и вытащила оттуда бутон гвоздики. Продолжая смотреть в глаза, она провела пальцем по его нижней губе. Северину показалось, что от этого прикосновения на губе остался ожог. На происходящее накладывались воспоминания той ночи: как она прикасалась к его губам тогда, и как прикасается сейчас. Мысли настолько поглотили Северина, что он даже не заметил, как раскрыл рот. В следующее мгновение он почувствовал, как острая, высушенная гвоздика кольнула его язык. Лайла отстранилась, и вместе с ней ушло все тепло. Она ни на секунду не потеряла самообладания: бесстрастная, но в то же время чувственная – таким и должен быть артист Дворца Сновидений. Он видел, как она проделывает то же самое во время своих выступлений: достает сигарету из кармана какого-нибудь господина, вставляет ему в рот и поджигает ее, прежде чем забрать сигарету себе.

– Вот чего ты хочешь, – мрачно сказала она. – Ты хочешь найти оправдание для охоты. Но ты ошибся, приняв хищника за добычу.

С этими словами она резко развернулась на каблуках и вышла из комнаты. Прикусив гвоздику зубами, Северин смотрел ей вслед. Лайла была права. Он – охотник. Но и она тоже. И ни один из них не собирался упускать свою добычу. Именно поэтому ночь, которую они провели вместе, была ошибкой, забытой и ускользнувшей в темноту. Он задержался еще на мгновение и повернулся к Тристану.

Он знал, о чем пойдет их спор. Северин был готов к разговору, и все же сияющие глаза Тристана причиняли ему боль.

– Если есть что сказать – говори, – устало сказал он.

Тристан отвернулся.

– Неужели тебе не достаточно того, что у тебя уже есть?

Северин закрыл глаза. Что значит «достаточно»? Тристану никогда не понять. Он никогда не испытывал близость совершенно иного будущего, которое вырывают у тебя из рук и топчут прямо на твоих глазах. Он не понимал: иногда для того, чтобы уничтожить тех, кто тебе ненавистен, нужно притвориться одним из них.

– Дело не в том, что у меня есть и чего нет, – сказал Северин. – Дело в равновесии. Справедливости.

Тристан не смотрел на него.

– Ты обещал защитить нас.

Северин не забыл об этом. В тот день, когда эти слова сорвались с его губ, он осознал, что у некоторых воспоминаний есть вкус. Тогда его рот был полон крови, и обещание отдавало солью и железом.

– Предположим, мы переживем эту авантюру. Ты получишь то, что хочешь. Ты вернешь свой Дом и станешь патриархом... – Он перешел на повышенный тон. – Иногда я хочу, чтобы ты никогда им не становился. Что, если ты станешь похож на...

– Остановись, – Северин не предполагал, что его голос прозвучит так холодно и властно. Он видел, как Тристан вздрогнул. – Я никогда не стану похож на наших отцов.

У Тристана и Северина было семеро отцов. Целый конвейер воспитателей и охранников: все они находились в самом низу иерархии Ордена. Каждый из них повлиял на Северина, сделав его таким, какой он есть, к добру или худу.

– Быть частью Ордена – не значит быть одним из них, – сказал Северин ледяным голосом. – Я не хочу быть с ними наравне, чтобы они смотрели мне в лицо. Мне нужно, чтобы они отводили взгляд и моргали от боли в глазах, словно посмотрели на солнце. Мне не хочется, чтобы они стояли напротив нас; они должны встать на колени.

Тристан промолчал.

– Я не дам тебя в обиду, – прошептал Северин. – Помнишь это обещание? Я говорил, что я буду тебя защищать. Сказал, что создам Рай только для нас.

– «Эдем», – грустно сказал Тристан.

Северин назвал свой отель не только в честь райского сада, но и в честь обещания, которое он дал много лет назад. Тогда они с Тристаном были недоверчивыми мальчишками с ободранными коленками, а вокруг них кружилась бесконечная вереница отцов, наставлений и занятий.

– Ты под моей защитой, – сказал Северин, на этот раз еще тише. – Всегда.

Наконец Тристан сдался. Он прижался к брату: его светлые волосы защекотали ноздри Северина, и тот громко чихнул.

– Ладно, – проворчал Тристан.

Северин обдумывал, что еще он мог сказать, чтобы отвлечь Тристана от предстоящей работы по поиску Фрагмента.

– Я слышал, Голиаф полинял.

– Не притворяйся, что тебе есть дело до него. В прошлом месяце ты пытался скормить его коту.

– Честно говоря, Голиаф выглядит так, словно вышел прямиком из ночных кошмаров.

Тристан не засмеялся.

В течение всей следующей недели Лайла шпионила за членами Ордена, посещавшими Дворец Сновидений, и принимала во внимание все слухи: не пойдет ли речь о краже, случившейся во время аукциона. Но никто не проронил ни слова о происшествии. Даже охранники-Сфинксы, способные выследить любой помеченный артефакт, не покидали территорию городских резиденций Дома Никс и Дома Ко?ры.

Кажется, все было в порядке...

Северин отчаянно держался за эту мысль, когда дворецкий принес ему почту.

– Вам письмо, сэр.

Северин взглянул на конверт. Его украшала изысканная буква «Г».

Гипнос.

Он отпустил дворецкого и уставился на конверт. На нем было несколько бурых пятен, напоминающих засохшую кровь. Северин коснулся печати. В этот момент его пальцы пронзила резкая боль: в сотворенном печатном воске затаился острый шип. Он зарычал, отдергивая руку, но капля его крови уже попала на бумагу. Она впиталась в конверт, и аккуратная «Г» задрожала, прежде чем развернуться. Взгляду Северина представилось короткое послание:

Я знаю, что ты меня обокрал.

Часть II

Отрывок из Отчета по Новой Каледонии

Адмирал Теофиль дю Кассе,

Французская Фракция Вавилонского Ордена

1863, Вторая Французская Республика, правление Наполеона III

Среди туземного населения Канаки начались волнения. С помощью наших переводчиков мы выяснили, что Творением здесь занимаются в основном местные жрецы.

Судя по всему, никто из них не обладает способностями разума. Зато они обладают даром материи: соленой воды и дерева. Все их дома украшены резными шпильями на крыше; там, согласно поверьям, живут их предки, которым они поклоняются. Но мы нашли для этих шпилей еще одно применение.

Как вы знаете, сэр, мы обнаружили присутствие никеля на берегах реки Дахот. Наши колонисты прилагают немалые усилия, чтобы добыть металл. Но самое интересное здесь то, что лучшим инструментом для его обнаружения оказались те самые священные монументы.

К сожалению, должен сообщить вам о событии, произошедшем на прошлой неделе. На рассвете один из моих людей пытался снять шпиль с верхушки канакийской хижины. Ему это удалось, но семья, проживающая в хижине, отказалась рассказывать, как заставить сотворенный шпиль реагировать на залежи никеля. Началась стычка. Канакийский мужчина покончил жизнь самоубийством, объявив, что некоторые тайны должны оставаться непознанными.

Мы так и не смогли заставить шпили работать.

Но я своего добьюсь.

Энрике

Энрике направлялся в бар главного лобби.

При других обстоятельствах он был бы рад поговорить с Северином в непринужденной обстановке, но записка, которую он получил от хозяина отеля, была достаточно бесцеремонной. Это было не похоже на Северина. Энрике сверился с большими часами в лобби. Ровно пять часов. Его встреча с Северином была назначена на половину шестого, так что у него оставалось еще немного времени на то, чтобы выпить коктейль.

Главное лобби отеля украшал величественный уроборос – символ бесконечности, представляющий собой змея, который кусает собственный хвост. Огромный, сотворенный из меди змей вился в бесконечном круге, пока в его металлическом теле отражались огни свечей. Каждый день, ровно в полночь, змею все-таки удавалось укунить себя за хвост, и тогда с потолка сыпались блестящие конфетти. Богатые наследницы в изысканных шляпках и художники с перепачканными от чернил пальцами спешили в ресторан или сад. В одном углу политики обсуждали какой-то план: их глаза и лица были скрыты за плотным дымом сигар. Обычно Энрике старался не прислушиваться к посторонним звукам. Здесь всегда звучало слишком много языков: тут и там он улавливал диалекты, родившиеся под жарким солнцем пустыни, или томные гласные, смягченные волнами прибрежных регионов. Шум голосов казался ему необычной музыкой, пока его ухо не уловило одну фразу: *magandang gabi po*. Добрый вечер. Это был его родной язык: тагальский. Энрике повернулся на голос и сразу же узнал его обладателя. Это был Марсело Понсе. Марсело заметил Энрике и приветливо помахал ему рукой.

Вместе с доктором Рисалем Понсе был членом Илустрадос – группы, к которой Энрике присоединился на почве одинаковых взглядов. Практически все филиппинцы, получившие европейское образование, мечтали о реформировании их полностью контролируемой Испанией страны. Но для них Энрике был просто еще одним участником, а не визионером. Юноша очень хотел быть частью их внутреннего круга, но, похоже, они не считали его тем, кто будет формировать новое будущее их государства.

– Куа[5 - Куа – брат (филипп.).] Марсело, – с уважением сказал Энрике.

Он все еще ощущал легкий трепет, когда называл Марсело братом, но это было скорее данью традиции, чем символом их дружбы.

– Куа Энрике, – ответил Марсело с теплотой в голосе. Его взгляд упал на ручку, которую Энрике держал в руке. – Работаешь над новой статьей для «Солидарности»? Или переводишь древний язык?

– И то, и другое, – покраснел Энрике. – Кстати, если у вас найдется минута свободного времени, может, я покажу вам свою новую статью? Я...

– Это просто замечательно. Продолжай в том же духе, – отвлеченно сказал Марсело. Его взгляд выискивал кого-то за плечом Энрике. – На самом деле я должен встретиться с человеком, который может помочь нам с петицией для королевы Испании.

– О! – сказал Энрике. – Я м-могу чем-то помочь?

Марсело улыбнулся.

– Ну конечно! Энрике Меркадо-Лопес – журналист, историк и весьма любезный шпион.

Прежде чем Энрике успел ответить, Марсело потрепал его за щеку.

– Конечно, тебе, должно быть, легко шпионить, ведь ты не выглядишь как один из нас. Увидимся на следующем собрании. Ingat ka, kuа[6 - Ingat ka, kuа – Береги себя, брат (филипп.).].

Проходя мимо, Марсело сжал его плечо. Энрике с трудом заставил себя сдвинуться с места: ноги не слушались его, а лицо горело.

Тебе, должно быть, легко шпионить, ведь ты не выглядишь, как один из нас.

Марсело сказал это без злого умысла. В каком-то смысле так было еще хуже. С самого детства Энрике был больше похож на своего отца – чистокровного

испанца. На Филиппинах это считалось удачным стечением обстоятельств. Его называли метисом. Дяди и тети Энрике, бывало, шутили, что его темнокожая мать, должно быть, даже не присутствовала во время его зачатия. Может, поэтому Илустрадос не хотели принимать его в свой внутренний круг.

Они не принимали его не потому, что он был глуп. Причина крылась в его лице.

Энрике склонился над барной стойкой. Пить шампанское в таком подавленном состоянии казалось неправильным, поэтому он просто водил бокалом из стороны в сторону, наблюдая, как пузырьки бьются о хрусталь.

Секретный бар «Эдема» был маленьким и больше напоминал склеп, чем место для встречи. К тому же вход в него скрывался за книжным шкафом. В помещении все стены были увиты лозой. Ее бутоны раскрывались не цветами, а изысканными чайными чашками или маленькими бокалами с шампанским, в зависимости от времени суток. Комната была полна изобретений Тристана и Зофьи. Когда чиновники из строительной инспекции сочли стеклянную люстру слишком опасной, Тристан сотворил новую из лунного цветка и ветреницы. Когда те же самые чиновники решили, что фонари могут стать причиной пожара, Зофья собрала светящиеся камни на берегах Бретани и сотворила из них обшивку для потолка, которая сияла, словно ночное небо.

Осматривая комнату, Энрике почувствовал знакомый укол зависти. Он всегда мечтал обладать способностью Творить. Когда он был маленький, эта сила казалась ему магией. Теперь он знал, что магии не существует так же, как не существует фей или девушек с рыбьими хвостами. Но это искусство было вполне реальным: связующая нить, которая проходит сквозь древние цивилизации и ведет к самому мифу о сотворении мира. Энрике хотел быть частью этого общества. Он надеялся, что Творение сделает из него героя, похожего на персонажей сказок, рассказанных ему бабушкой. В конце концов, почему Творение могло менять предметы, но не могло изменить мир? Почему он не мог стать архитектором перемен? Его тринадцатый день рождения прошел, но он так и не открыл в себе таланта к разуму или материи. Когда он понял, что не обладает желанными способностями, он выбрал своей профессией изучение истории и языков – предметов, которые, как ему казалось, были максимально близки к Творению. Он все еще мог изменить мир. Конечно, он не сможет идти по пути перемен, опираясь на что-то столь великое, как сила Творения. Тем не менее у него все же были свои сильные стороны: писательство, красноречие,

умение находить со всеми общий язык.

Когда он приехал в Париж, сплоченные возгласы Французской революции напомнили Энрике о его мечте: *liberte, egalite, fraternite*.

Свобода, равенство, братство.

Эти слова нашли в нем отклик точно так же, как и в других студентах. Тогда они начали задумываться: по какому праву Испания сжимает Филиппины мертвой хваткой на протяжении трех столетий? В Париже Энрике нашел единомышленников, но именно Северин навсегда изменил его жизнь. Он отметил его талант историка, когда другие, кажется, совсем не обращали на него внимания. Северин понял его мечты о переменах и указал на то, с чего стоит начать. Так как семейное дело должно было отойти его старшему брату, а на служение в церковь был отдан средний, Энрике не был должен своей семье. Это позволяло ему выбирать любой путь. Он знал, чего хотел... только для этого надо было заставить Илустратос принять его в их внутренний круг.

Может быть, Глаз Гора сможет решить все его проблемы. Энрике позволил себе помечтать о том, что случится дальше: вероятно, они с Северином могли бы заявить Ордену, что их цивилизация висит на волоске... возможно, им даже стоило бы объявить эту новость со сцены. В любом драматическом действе важно правильное освещение. И, конечно, шампанское. Северин стал бы патриархом – Энрике мог бы написать целую речь о восстановленной чести рода, и это было бы к месту. Особенно, если бы в этот момент с потолка падали конфетти. Дом Ванф вернулся бы во всем своем величии, и, конечно, ему бы понадобился историк. Он. Тогда Илустратос приползли бы к нему на коленях, потому что они отчаянно нуждались в шпионе, знающем о тайной деятельности Вавилонского Ордена. Это было единственным слабым местом их разведки. После этого он вместе с Северином и всей их командой смогли бы изменить мир! Они могли бы раздобыть себе мечи... Энрике не представлял, что делать с мечом, но сама идея казалась ему эпической. Что, если кто-то воздвигнет статую в его честь...

– Идем.

Энрике вздрогнул и выронил из рук хрустальный бокал.

– Мое шампанское! – воскликнул он, глядя на осколки.

– Ты его даже не пил. Ты мечтал.

– Но мне нравилось держать его в руках...

– Иди за мной.

Не дожидаясь Энрике, Северин отвернулся и направился к лестнице. Энрике нахмурился и пробормотал несколько тагальских слов, за которые его бабушка надавала бы ему по голове шлепанцем. Никогда еще Северин не был таким грубым. Все его тело было заметно напряжено. Они прошли через главное лобби и направились ко входу в Сады Семи Грехов.

Рядом с конюшнями, на дороге, стояла карета. В отличие от других карет «Эдема» на ней не было никаких эмблем и опознавательных знаков. Энрике забрался в карету вслед за Северином. Кучер закрыл двери; из-за черных штор, плотно закрывавших окна, внутри стало очень темно.

Энрике беспокойно теребил рукав своей рубашки.

– Так... Теперь ты расскажешь, в чем дело?

Северин достал из кармана конверт. Багровая печать была сломана посередине, но одной-единственной буквы «Г», украшающей конверт, было достаточно.

Энрике замер. Несколько секунд прошли в гробовой тишине.

– Гипнос?

В ту минуту, когда он произнес это имя, он знал, что не ошибся. Казалось, даже душный воздух кареты подтверждал его догадку. Небольшой порыв ветра пробирался сквозь щель между занавесками, и Энрике поежился от холода.

Челюсть Северина напряглась.

– Он знает, что мы его обокрали, и попросил о встрече.

– Что?

Он думал, их план был предельно надежен. Никаких отпечатков. Никаких записей. Ничего, что могло бы раскрыть их присутствие в аукционной комнате хранения.

Гипнос был патриархом, и он мог запросто приказать арестовать их. Или придумать что похуже. Но он всего лишь просил о встрече, и это могло означать только одно: ему что-то от них нужно. Гипнос собирался их шантажировать. Энрике не понимал, почему Северин взял с собой только его. Может, он был незаменим... Возможно, его просто не было жалко.

Энрике почти ничего не знал о Гипносе, но Тристан как-то упомянул, что в детстве они с Северином были друзьями. Одного взгляда Северина было достаточно, чтобы понять: он не общался со старым товарищем уже много лет. Северин сидел с опущенными глазами и каменным лицом. Он то и дело проводил пальцем по серебристому шраму на ладони.

– Что, если он хочет... – Энрике не мог заставить себя произнести «убить нас».

Кажется, Северин и так догадался, что он имел в виду.

– Гипнос всегда был умен, – медленно сказал юноша. – Но, если он попытается что-нибудь выкинуть, у меня найдется достаточно компромата на него. – Он способен уничтожить связи Гипноса с Орденом в одно мгновение.

– Мертвые не мстят.

Северин надвинул шляпу на глаза.

– Я не собираюсь умирать.

Когда карета остановилась, Северин нагнулся, чтобы открыть дверь. В этот момент Энрике смог разглядеть письмо, которое мужчина держал в своей забинтованной руке. Он нахмурился. Письмо было пустым.

Гипнос назвал свою резиденцию «Эреб» в честь мифического места, где цветущие красные маки соседствовали с тьмой и кошмарами. Какая нелепость. Энрике находил его прозвище – Гипнос – таким же претенциозным. Никто в здравом уме не назвал бы младенца в честь бога сна. Хотя бы ради благополучия самого ребенка.

Большинство европейских Домов коллекционировало любые сотворенные артефакты, Дом Никс же, в свою очередь, собирал только те ценности, которые были связаны со способностями разума. Дом Никс коллекционировал предметы, которые могли сплетать воспоминания, просачиваться в сны, заставлять людей собирать волю в кулак и создавать реалистичные иллюзии. Способности разума держались под строгим контролем. Они использовались не только в борделях и развлекательных заведениях, но и в тюремных лагерях. Талант разума подлежал обязательной регистрации повсеместно, вне зависимости от того, собирался ли его обладатель развивать эту способность или нет. Некоторые техники разума были запрещены, и не без причины. Еще двадцать лет назад артефакты, способные манипулировать людьми, были особенно популярны в южных штатах Америки, где процветало рабство.

Впереди виднелись очертания входа в «Эреб». С обеих его сторон стояли львы из диорита, а над порогом блестела полоса вери?та. Как и вери?т в Опере Гарнье, этот камень определял наличие оружия или вредоносных сотворенных предметов. Единственным способом нейтрализовать эффект было носить вери?т при себе: как два магнита, камни отталкивали друг друга. Предполагалось, что во всем мире не существовало ничего похожего на вери?т, но недавно Энрике наткнулся на трактат о некоем североафриканском артефакте, способном посоперничать с этим камнем.

– Гипнос известен своими иллюзиями, – сказал Северин, прерывая его мысли. – Сосредоточься на одной вещи и не потеряй себя в его уловках.

Дверь перед ними открылась. Северин без колебаний прошел между двумя львами. Когда он оказался под вери?товой полосой, она засияла красным, и львы зарычали, повернув к нему свои каменные головы. Возле них тут же появился крепко сложенный охранник.

– Доставайте оружие, – сказал он.

– Тысяча извинений, – мягко сказал Северин, доставая из кармана маленький ножичек. – Я всегда держу один при себе для чистки яблок.

Энрике старался не выражать никаких эмоций. Он знал, что Северин лжет.

– Вам придется еще раз пройти под вери?товой полосой...

– Мы уже опаздываем, – сказал Северин. – Патриарху Гипносу это не понравится, и, уверяю вас, при мне больше ничего нет. Вот, я выверну карманы при вас.

Северин устроил маленькое представление, приподнимая брючины и закатывая рукава. Когда дело дошло до карманов, на пол упала карточка. Охранник поднял ее с земли, и его глаза расширились.

– Ах, это же пригласительный на две бесплатные ночи в моем отеле. Возможно, вы о нем слышали. Он называется «Эдем».

Естественно, охранник о нем слышал.

– Почему бы вам не оставить приглашение себе и пропустить меня прямо сейчас? Или мне стоит забрать его обратно и еще раз пройти через ваш дурацкий вход?

Охранник замешкался, но все же помахал рукой в пригласительном жесте. Энрике вошел вслед за Северином. У него не было причин волноваться: он никогда не носил с собой оружия.

Как оказалось, это место не зря называлось «Эреб». Не успели они пройти через главный зал, как он изменился. Казалось, только что они видели перед собой паркетный пол, эбонитовые колонны, отделанные золотом, и роскошный ковер. Энрике не должен был отрывать взгляд от пола, но краем глаза он заметил какое-то движение и поднял голову. В то же мгновение комната превратилась в дикий лес. Сквозь заледенелые ветви деревьев виднелся серебряный рассвет. Подсвечники обернулись снежными сугробами, а ковер выглядел так, словно его присыпали сахаром. Холод коснулся его кожи. Он чувствовал чистый, минеральный запах снега. Он оказался в мире льда и сахара. Брызги крови на белом шелке. Нет, это не кровь, это маки. Они цвели и засыхали, образуя собой фигуры, похожие на символы. Под их лепестками и снегом крылась какая-

то тайна, если бы только...

Его иллюзию прервал чей-то голос:

– Боже, как грубо с моей стороны.

Изображения растаяли. Больше никакого снега с маками и сахаром.

Энрике стоял на коленях и держался за алый ковер так, как будто собирался разорвать его в клочья. Прямо перед собой он увидел пару отполированных ботинок. Он поднял глаза прежде, чем успел понять, что сперва ему стоило бы подняться на ноги. Сверху вниз на него смотрел патриарх Дома Никс.

До этого момента он видел Гипноса только на расстоянии. Энрике узнал его кожу цвета темной умбры, похожую на промокшую от дождя кору дуба. Он помнил его коротко стриженные волосы и даже его странные глаза бледно-голубого цвета, больше напоминавшие две льдинки. Издалека Гипнос казался привлекательным, но вблизи он был просто ошеломляюще красив. Энрике вскочил на ноги, надеясь, что Гипнос не успел его заметить. Когда он снова посмотрел на хозяина дома, его глаза показались ему более темными: зрачки Гипноса расширились, словно он пытался загипнотизировать своего гостя.

– Если бы я знал, какие у тебя прелестные друзья, пригласил бы тебя гораздо раньше, Северин, – сказал Гипнос, не сводя глаз с Энрике.

Северин нервно рассмеялся.

– Сомневаюсь. Ты стал патриархом два года назад, но все еще согласовываешь каждый вдох и выдох с Вавилонским Орденом. Не представляю, что они подумают о нашей встрече. Я думал, всем членам Ордена строжайше запрещено со мной разговаривать. Они вообще в курсе, что ты сейчас делаешь?

Гипнос поднял бровь.

– Ты бы хотел, чтобы они знали?

Северин не ответил; Гипнос не стал настаивать.

– Ты попросил о встрече, – сказал Северин. – Почему?

«После стольких лет», – подумал Энрике.

– Я хотел встретиться с теми, кто меня обокрал, – усмехнулся Гипнос.

– Что ж, ты нас нашел.

Гипнос щелкнул языком.

– Ну-ну. Я проделал лишь малую часть работы. Вы сделали все остальное за меня.

Энрике смахнул остатки иллюзии и встал поближе к Северину. Все его мысли занимала намекающая интонация Гипноса.

– Что ты имеешь в виду? – спросил ученый.

– Смотрите-ка! Оно разговаривает, – воскликнул Гипнос, хлопнув в ладоши. – Поддельный компас, который вы мне оставили, и в самом деле очень хорошо выполнен, но он весь в крови. Я всего лишь провел небольшую проверку... Кто бы ни украл мой артефакт, он истек кровью, запачкав моего бедного каменного зверька. Поэтому я добавил немного крови при сотворении своего письма, чтобы никто, кроме вора, не смог его прочесть. Мой посыльный доставил письма всем, о ком я только мог подумать. Я спросил себя: кто бы стал красть у меня? И почему? Когда все возможные варианты были исчерпаны, я послал письмо тебе. Изысканный хозяин отеля со слишком чистой репутацией; ты всегда оказываешься недалеко от каждого места, где происходит кража артефакта, принадлежащего Ордену.

Выражение его лица вдруг стало предельно серьезным.

– Так что это не я нашел тебя. Ты сам пришел ко мне.

Энрике зажмурил глаза. Он вспомнил, как выглядело письмо Северина, но было уже слишком поздно. Странная пустая страница. Неудивительно, что он не мог

его прочитать.

Северин оставался абсолютно спокоен.

– Умно.

– Человеческое высокомерие никогда меня не подводит. Я знал, что ты не станешь показывать мое письмо никому, – Гипнос наклонил голову. – Ты, должно быть, совершенно опустошен. Подвести свою команду и признать поражение... Ох, Северин, не смотри на меня так. Возможно, Орден и потерял к тебе всякий интерес, но я – нет.

– Я польщен, если ты и впрямь думаешь, что я заслуживаю внимания.

Гипнос подмигнул.

– С таким лицом, как у тебя? Спорим, я не единственный, кто так думает.

– Что тебе нужно, Гипнос?

– Ты знаешь, что я могу с тобой сделать. Я могу приказать, чтобы тебя арестовали, казнили, облили смолой и обсыпали перьями, и так далее. Моим возможностям нет предела. – Он прервался, чтобы одарить гостей улыбкой. – Но я не хочу ничего этого делать. Видишь ли, я – выдающаяся личность и считаю себя очень щедрым человеком. Поэтому я попрошу тебя только о двух вещах. Первое: ты вернешь мне компас. Второе: ты позволишь мне воспользоваться твоими талантами и достанешь один предмет, который я очень хочу получить. В награду ты получишь все, что пожелаешь.

Лицо Северина осталось неподвижным, его губы сложились в тонкую нить, а темные глаза практически пылали.

Гипнос медленно поднял руку. На свету сверкнуло его Вавилонское Кольцо с тонким полумесяцем. С того места, где стоял Энрике, месяц больше напоминал острую косу.

– Mon cher[7 - Mon cher – мой дорогой (фр.).], у нас всегда было много общего, – сказал Гипнос. – А теперь еще больше, чем когда-либо. Взгляни на нас. Два незаконнорожденных сироты от темнокожих матерей.

Он наклонился к Северину.

– Так странно... Происхождение не так сильно отразилось на твоей коже, как на моей. Моя мать была дочерью рабов с сахарной плантации на Мартинике, которой владел мой отец. Как только я родился, мой аристократический папаша бросил ее. Я совсем не знал ее, зато я хорошо помню твою мать. Признаю, я всегда завидовал тебе из-за этого. У нее были прекрасные волосы... откуда она родом? Из Египта? Алжира? А какое у нее было красивое имя...

– Не надо, – отрезал Северин. Его челюсть чуть заметно задрожала.

Гипнос пожал плечами и повернулся к Энрике с такой ясной улыбкой, словно они просто заглянули к нему в гости в погожий денек.

– Он рассказывал тебе, как работает проверка на право наследия?

Энрике покачал головой.

– Тогда расскажу я, – сказал Гипнос, шагнув к нему. – Вы позволите, прекрасный юноша?

Энрике с трудом заставил себя кивнуть. Гипнос взял юношу за руку и провел по его ладони большим пальцем, остановившись на пульсирующем запястье.

– В каждом Вавилонском Кольце есть ядро, содержащее кровь матриарха или патриарха. Кровь подпитывает способности Кольца, позволяющие, помимо всего прочего, помечать предметы символом Дома. Когда основатели Дома умирают или хотят добровольно передать свой титул, проводится проверка на право наследия. Сперва Кольцом Дома режут кожу на руке предполагаемого наследника, – Гипнос провел острым концом полумесяца по руке Энрике. Через кожу он почувствовал покалывание силы, будто по его венам прошла молния. – Затем над окровавленным Кольцом держат Кольцо Свидетеля. Если наследник той же крови, что и основатели, оба Кольца становятся голубыми. Если же нет...

– Ему на память остается замечательный шрам, – холодно сказал Северин.

Гипнос отпустил руку Энрике.

– Бывает и так, что Орден сам подделывает результаты теста, – сказал он, поворачиваясь к Северину. – Такое случилось, когда Дом желал передать Кольцо другому члену семьи, в обход законного наследника.

– На каком основании можно отказать наследнику в его правах? – спросил Энрике.

Гипнос начал отсчитывать причины, загибая пальцы.

– Дому могут не нравиться намерения наследника, или в кого он влюбился, или...

– Или причина может оказаться в том, что Ордену больше нравится чистая кровь, – прервал его Северин. – Два наследника со смешанной кровью – это уже слишком. Самое простое решение – оставить только одного.

Гипнос сжал челюсти, и его игривый настрой мгновенно испарился. Сожаление исказило красивые черты его лица.

– Если я правильно помню, ты пытался сказать мне это еще много лет назад, – прошептал он.

– Если я правильно помню, ты не пожелал меня слушать, – ответил Северин.

Щеки Гипноса загорелись.

– Как ты правильно заметил, каждый мой вдох контролирует Орден с того самого дня, как мой отец умер, передав мне Кольцо. Но если ты достанешь нужный мне артефакт, я лично проведу тест на право наследия. Никаких поддельных результатов, как в прошлый раз. Я могу вернуть тебе Кольцо... Я знаю, где оно хранится.

Энрике показалось, что в комнате стало нечем дышать. Северин даже не смотрел на Гипноса.

– Чего ты хочешь?

– Глаз Гора.

Энрике задержал дыхание.

– Где он?

На мгновение Гипнос заколебался, но все-таки произнес:

– В хранилище Дома Ко?ры.

– Нет, – отрезал Северин. – Ноги моей не будет в доме этой женщины.

Энрике не удивила такая реакция. Скорее всего, матриарх Дома Ко?ры помогла подделать результат теста на наследие и отняла у Северина его титул.

– Как раз перед аукционом на нее было совершено жестокое нападение, – сказал Гипнос. – Ее Кольцо украдено.

– Думаю, это сделал кто-то из ее же Дома, – сказал Северин. – Мы не будем вмешиваться в их дела.

Мы. Энрике почувствовал прилив гордости. Вот так-то! Ему хотелось выразить свои эмоции словами.

Но он не стал.

– Я не прошу найти ее Кольцо, – сказал Гипнос. – Его и так уже ищут. Я прошу помощи с чем-то гораздо более грандиозным. Уверен, ты не забыл, что Кольца наших Домов хранят тайну о местоположении западного Вавилонского Фрагмента.

Северин засмеялся.

– И ты думаешь, что этот вор знает, где находится Фрагмент, и планирует произвести с ним какие-то злодейские манипуляции при помощи украденного Кольца? Насколько я помню, местонахождение Фрагмента открывается, только если иметь при себе два Кольца, а не одно. Так что твое драгоценное знание в безопасности.

Энрике не особо разбирался в законах Ордена. Но Северин рассказывал ему, что знание о Западном Фрагменте в разные века передавалось между Домами разных империй. Последним его хранителем на настоящий момент являлась Франция. И если кража Кольца матриарха действительно была делом рук кого-то из своих, то Гипнос не напрасно хотел именно украсть Глаз Гора, а не официально его запросить у Дома Ко?ры. Если Дом был компрометирован изнутри, то никому из его членов нельзя было доверять. И если вор действительно планирует найти Фрагмент с помощью Кольца, то Глаз Гора значительно облегчит для него эту задачу.

– Обладая всего одним Кольцом, Падший Дом чуть не уничтожил цивилизацию, – сказал Гипнос. – Они поплатились за свои ошибки, но, будь уверен, история всегда повторяется.

Энрике вспомнил сотворенный порог Оперы Гарнье: потертая гексаграмма на золоченой раме зеркала – символ опозоренного Падшего Дома. Что-то в этой гексаграмме настораживало его.

– И, если ты позволишь мне сказать... нет, я должен это сказать: у тебя нет выбора, Северин. Ты должен мне помочь.

– Можешь угрожать мне тюрьмой: я все равно выберусь оттуда. Можешь натравить на нас свою охрану, но я уже установил зажигательную сферу, и все здесь загорится прежде, чем они успеют сделать хотя бы шаг, – сказал Северин.

Энрике с трудом сдерживал ухмылку. Северин солгал на входе. Он отвлек внимание охранника карманным ножом и пронес внутрь гораздо более опасное оружие.

– Когда ты успел...

Северин улыбнулся.

– Мне же нужно было чем-то занять время, пока ты строил глазки моему историку.

– Погоди, так я был приманкой? – возмутился Энрике.

– Ты польщен?

– Немного.

Гипнос оглядел комнату, и Северин помахал ему рукой.

– Можешь не пытаться. Ты все равно не успеешь ее найти. И духу моего не будет в Доме Ко?ры, – сказал Северин, развернувшись на каблуках. – Возможно, мы сможем прийти к другому соглашению, а пока нам с Энрике пора уходить.

Гипнос раздраженно выдохнул.

– Ненавижу, когда приходится к этому прибегать! Взрывные темпераменты, скрытые угрозы... брр. Терпеть этого не могу, mon cher.

Гипнос топнул ногой, и на алом ковре начали проступать изображения. К горлу Энрике подступила тошнота. Перед ним колыхалось изображение трех людей, стоящих на коленях. Их головы были наклонены, а руки связаны. Энрике тут же их узнал.

Лайла. Зофья. Тристан.

Северин побледнел.

– Видишь? Ты можешь уйти целым и невредимым. А вот на их счет я не уверен. Поклянись, что вернешь мне компас, отправишься в Дом Ко?ры и добудешь мне Глаз Гора, – сказал Гипнос, протягивая сотворенный свиток с клятвой. – Сделай это, Северин, и получишь обратно свой Дом.

Юноша словно прирос к месту, на котором стоял.

– Они живы?

– Так мы договорились или нет? – спросил Гипнос.

– Они живы?

– Пока что да, но если ты не поклянешься, то это ненадолго. Это взаимовыгодный договор, Северин. Уверяю тебя, это к лучшему. Я обещаю, тебе понравится работать со мной. Я провожу лучшие вечеринки, прекрасно разбираюсь в моде... – сказал Гипнос. – А если ты не согласишься, я переломаю все кости в их телах и выжгу на их коже твоё имя. Таким образом ты подпишешься под их смертью.

Улыбка Гипноса была острой, как осколок стекла.

– Все ещё не согласен?

7

Северин

Гнев был вторым из семи отцов Северина.

Некоторые из его отцов оставались с ним на месяцы. Другие – на годы. У некоторых были жены, которые не позволяли ему называть себя матерями. Некоторые из отцов умерли раньше, чем он мог научиться их ненавидеть. Другие умерли из-за того, что он их ненавидел.

Когда Северин видел Кольцо отца в последний раз, оно выглядело как приплюснутый овал из тусклой меди. Украшение было выполнено в форме змея, кусающего свой хвост. Под хвостом находилось небольшое лезвие. После того,

как его родители погибли в пожаре, матриарх Дома Ко?ры провела этим лезвием по ладони Северина, и змеиный хвост прошел через его кожу, как нож сквозь масло. На секунду он увидел блеск голубого цвета... Это было то самое свечение, о котором так часто говорил его отец. Оно доказывало, что Северин – истинный наследник Дома Ванф... но вдруг свечение исчезло, скрытое из виду плащом патриарха Дома Никс. Северин помнил, как они говорили шепотом. Люди, которых он называл «тетушкой» и «дядюшкой». Затем они повернулись к нему с такими лицами, словно никогда не качали его на коленях и не подкладывали на его тарелку лишнюю порцию десерта. В одно мгновение они превратились в незнакомцев.

– Мы не можем позволить тебе быть одним из нас, – сказала матриарх.

Он никогда не сможет забыть, как она посмотрела на него тогда... как она смела жалеть его.

– Тетушка... – начал он, но она прервала его резким взмахом руки, затянутой в перчатку.

– Ты не можешь больше меня так называть.

– Очень жаль, – сказал его бывший «дядюшка». – Но мы просто не можем оставить их обоих.

Адвокаты уведомили Северина, что о нем будут заботиться до тех пор, пока он не достигнет совершеннолетия, чтобы унаследовать все деньги с трастового счета Дома Ванф. Хоть он и не был кровным наследником, его имя стояло на всех документах и контрактах.

Северин скорбел по отцу не так сильно, как по Кахине. Отец не позволял ему называть ее мамой, и на публике она называла его «месье Северин». Но ночью... когда она проскальзывала в его комнату, чтобы петь колыбельные, перед уходом она всегда шептала ему одни и те же слова:

– Я – твоя ummi[8 - Ummi – мать (араб.).]. И я люблю тебя.

В первый день в доме Гнева Северин заплакал и сказал:

– Я скучаю по Кахине.

Гнев не обратил на это никакого внимания. На второй день Северин не прекратил плакать и снова сказал:

– Я скучаю по своей Кахине.

Тогда Гнев остановился на пути к умывальнику и обернулся. Его глаза были такими бледными, что иногда зрачки казались бесцветными.

– Скажи ее имя еще раз, – произнес старик.

Северин колебался, но он любил ее имя. Оно звучало так же, как она пахла... словно фрукты из сказочного сада. Юноше нравилось произносить ее имя, потому что он сразу вспоминал, как она наклонялась к нему, а ее черные волосы закрывали его маленькую голову, будто занавеской. Так он мог притвориться, что наступила ночь и пришло время историй.

Как только он произнес ее имя, Гнев ударил его с размаху. Он делал это снова и снова, требуя, чтобы мальчик произносил «Кахина», пока кровь не заменила сказочный вкус материнского имени.

– Она мертва, мальчик, – сказал Гнев. – Умерла в огне, вместе с твоим отцом. Я не хочу больше слышать ее имя.

Незаконнорожденный сын Гнева жил в этом же доме, хоть отец и не обращался с ним, как с родным ребенком. Мальчик был младше Северина, и у него были большие серые глаза. Когда Гнев приходил в ярость, он вымещал злость на одном из мальчиков, не разбирая, кто есть кто.

В своем кабинете Гнев хранил Шлем Фобоса – сотворенный предмет, относящийся к способности разума, который вытягивал из темных уголков сознания все кошмары и воспроизводил их без остановки...

Гнев надевал Шлем на одного из мальчиков и смотрел, как они кричат от ужаса. Он нечасто применял физическую силу.

– Я никогда не смогу причинить вам столько же боли, сколько ваш собственный разум, – говорил он.

Однажды Гнев послал за другим мальчиком. К тому времени Северин узнал, что его звали Тристан. В тот день он нашел Тристана свернувшимся в темном углу. Мальчик лежал там без движения.

– Ты его видел? – спросил Гнев.

У Северина был выбор, и он его сделал.

– Нет.

Тогда Гнев забрал в кабинет Северина.

На следующий день Гнев позвал их обоих. В это время Северин болтался на улице. Шаги Гнева неумолимо приближались, и Северина бы точно поймали, если бы он не почувствовал, как кто-то тянет его за рукав. В розовом кусте сидел маленький мальчик, и на его коленках лежали цветы. Он подвинулся, освобождая место для Северина.

– Я не дам тебя в обиду, – прошептал Северин.

* * *

Я не дам тебя в обиду.

Одно обещание.

Всего одно обещание, и он не смог его сдержать.

Каждый раз, когда Северин закрывал глаза, он видел их тела. Светлые волосы Зофьи испачкались в грязи. Сжавшийся, покачивающийся Тристан... и Лайла. Лайла, чьи волосы должны быть покрыты сахарной пудрой, а не осколками стекла. Лайла, которую он...

Сжав руку в кулак, он со всей силы вонзил ногти в ладонь и крикнул кучеру, чтобы он быстрее гнал лошадей. Рядом с ним сидел бледный Энрике; он шептал что-то себе под нос и перебирал в руках молитвенные четки. Как только карета остановилась у «Эдема», Энрике выскочил на улицу.

– Я поищу их в здании.

Северин кивнул и сорвался с места, побежав через Сад Семи Грехов.

Он не останавливался, пока не достиг мастерской Тристана в саду Зависти. Он увидел Тристана со спины. Юноша склонился над рабочим столом, который был засыпан маленькими ветками и лепестками: это были части миниатюрных миров, которые он так старательно строил.

Северин не мог дышать. Они задушили его? Если так, то где Лайла и Зофья? Неужели их мертвые тела лежали на кухне и в лаборатории? Или...

Тристан обернулся.

– Северин?

Северин стоял, покачиваясь.

– Ты выглядишь так, как будто тебя сейчас стошнит. Это из-за постояльца-лунатика из седьмого номера? Прошлой ночью я поймал его, когда он бродил по комнатам прислуги голым, и если то же самое случилось с тобой, то я тебя не виню...

– Остальные, – прохрипел Северин. – Они... они...

Тристан нахмурился.

– Я только что видел Лайлу и Зофью на кухне. Что случилось?

Северин в душевном порыве обнял Тристана.

– Такое чувство, что я не знаю чего-то очень важного, – захрипел Тристан.

– Я думал, что ты умер.

Тристан засмеялся.

– Как такое могло прийти тебе в голову? – Когда Северин даже не улыбнулся, он посерьезнел: – Что случилось?

Северин рассказал ему обо всем, начиная с предложения Гипноса... и заканчивая наградой, которую он пообещал за выполнение задания.

– Дом Ко?ры? – Тристан практически выплюнул эти слова. – После того, что она...

– Я знаю.

– Ты собираешься принять предложение?

Северин поднял руку, показывая причудливые татуировки – символ клятвы и заключенного договора.

– У меня нет выбора.

В тот момент лицо Тристана было абсолютно непроницаемым.

После мгновения, длившегося целую вечность, Тристан поднял руку. Его ладонь пересекал серебряный шрам, такой же, как у Северина; правда, никто из них не знал, откуда он появился. Это было не важно.

Наконец Тристан прижал свою ладонь к ладони Северина и сказал:

– Я не дам тебя в обиду.

Одним из самых больших секретов Падшего Дома было место их собраний.

Говорили, что ключ к месту их встреч и утерянному сокровищу был спрятан в костяных часах, которые были у каждого из членов Дома. Часы получили такое название из-за узора из костей, покрытого серебром, который их украшал. С тех пор, как члены Дома были изгнаны или казнены, прошло пятьдесят лет, но никто так и не смог разгадать их шифр. Теперь эта история считалась простым слухом, который со временем превратился в миф. Но это не значило, что интерес к часам совсем угас. Они стали предметом внимания многих коллекционеров.

Одни из немногих оставшихся часов хранились на книжной полке Северина.

За все время, что костяные часы находились у Северина, они так и не открыли ни одного из своих секретов. И все же иногда стрелки замирали на шести минутах третьего, что было довольно странно, учитывая, что на часах было всего одно слово: nocte.

Полночь.

Северин часто смотрел на них, когда о чем-то раздумывал.

Пятьдесят лет назад Падший Дом казался всем абсолютно непоколебимым. А теперь... эти часы стали для Северина важным напоминанием о том, что не существует ничего непоколебимого. Все можно разрушить. Башни, достигающие до небес, Дома, чьим богатствам может позавидовать любая империя, сияющие серафимы, когда-то пользующиеся доверием Бога. Даже семьи, которые должны были тебя любить. В мире нет ничего постоянного, кроме перемен.

Северин все еще смотрел на часы, когда пришло письмо от Гипноса. Он разорвал конверт, прочел первую строчку и нахмурился.

Будем честны: на моем месте ты бы сделал то же самое.

Костяшки пальцев Северина побелели.

Прежде чем ты бросишь мое письмо в огонь, я надеюсь, ты сможешь найти под пеленой своей ярости хотя бы крупицу благоразумия. Мы будем работать вместе, и, возможно, я не умею презентовать свои предложения наилучшим образом, но я всегда выполняю обещания. Насколько я знаю – ты тоже.

Если во мне будет нужда – только скажи.

Северин ненавидел это слово. Нужда. Его злило, что обещание Гипноса провести тест на наследие пробуждало это самое слово к жизни.

Иногда Северину хотелось забыть, как ему жилось до Ордена. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь со способностями разума пробрался сквозь его воспоминания и уничтожил любое упоминание о том времени. Он чувствовал себя так, словно его преследовали. Не люди, а призраки, казалось бы, позабытых ощущений. Ярko очерченная тень его руки у огня; пушистый кот, дремлющий у него в ногах; белоснежные цветы на фоне темной кожи Кахины; долгожданная ложка меда; ветер, обдувающий лицо... и слова, упавшие в его душу как семена и распустившиеся под солнцем: «Я – твоя Ummi. И я тебя люблю». Северин зажмурился. Он хотел навсегда забыть о том, что потерял. Может, тогда он перестал бы чувствовать себя так, будто когда-то умел летать. Теперь же небо покинуло его, не оставив ничего, кроме воспоминаний о крыльях.

Северин расправил плечи, сжимая и без того измятое письмо Гипноса в кулаке. Он уже знал, что собирается делать – что он должен был сделать. Выходя из кабинета, он почувствовал фантомную боль в области лопаток.

Его тело скучало по тяжести крыльев.

Сквозь матовую стеклянную дверь кухни он увидел их фигуры, собравшиеся вокруг высокого стола. Он слышал звон серебряных ложек, ударявшихся о фарфор чайных чашек. Слышался громкий хруст печенья. Северин представлял их четко и ясно. Зофья осторожно разрезает свое печенье на две половинки и макает каждую из них в чай. Энрике требует от нее объяснений, зачем она мочит печенье. Тристану не нравится чай, ведь это – заваренные кипятком листья, он говорит что-то вроде: «Лайла, у нас есть горячий шоколад?» Лайла. Лайла, которая двигается грациозно, словно сильфида[9 - Сильфиды – мифические существа, олицетворяющие стихию воздуха], и, смотря на каждого из них, видит самые темные секреты, но все равно прощает их. Лайла, волосы которой всегда покрыты сахарной пудрой.

Он чувствовал их всех, и это его пугало.

Северин коснулся дверной ручки. На него смотрели клятвенные отметки, оставленные на правой руке. Они могли сослужить хорошую службу; но все же Северин был связан ими по рукам и ногам.

Он всегда будет тем, кого покидают. Скоро долг Зофьи будет выплачен, и у нее останется достаточно средств, чтобы начать жизнь заново. Скоро Энрике войдет во внутренний круг филиппинских реформаторов и покинет «Эдем». Лайла тоже оставит его. Когда Лайла только предложила ему свои услуги, она доверила ему свою историю – точно так же, как он доверил ей свою. Тогда она предупредила Северина, что ищет один предмет, и, как только поиски позовут ее в другое место, она незамедлительно последует за ними.

Оставался только Тристан. Единственный, кто был согласен остаться по своей воле.

Но если они найдут Глаз Гора...

Гипнос будет обязан провести тест, – но в этот раз никто не сможет обмануть его. Дом Ванф будет восстановлен. Как патриарх, он сможет дать им нечто большее, чем просто связи. Он сможет устроить сестру Зофьи в медицинскую школу, дать Энрике доступ к информации для Илустратос, помочь Лайле найти ее древнюю книгу и сдержать обещание, данное Тристану.

Он мог дать им больше, чем незамысловатые задания, придуманные для того, чтобы скоротать время между кражами. Он мог дать им все, о чем они мечтали, только бы они захотели остаться с ним.

Когда юноша вошел в кухню, все четверо повернули головы и уставились на него. Судя по пустым чашкам, они ждали его уже давно. Выдержав долгую паузу, Лайла налила ему чай, и, хотя волосы закрывали ее лицо, он чувствовал, что она улыбается. Северина злило, что он так хорошо ее знает. Еще два года назад ему бы и в голову не пришло, что такое возможно.

Тогда Лайла только начала работать его шпионкой во Дворце Сновидений и кондитером в «Эдеме». Однажды она ворвалась к нему в кабинет с белыми от муки волосами, с ярким фруктовым пирогом в руках. К тому моменту она уже очаровала половину прислуги отеля и за короткое время совершила больше

краж, чем он один за несколько лет. Северина не волновало, как Лайла проводит свое свободное время. Она все время заставляла его пробовать всю свою выпечку, спрашивая мнения по любому мельчайшему поводу, в то время как он пытался работать. Хуже было только то, что она ничего не просила взамен. Она оставляла торты на его рабочем столе, а если он пытался ей заплатить, она била его по рукам.

– Попробуй, попробуй! – настаивала она, протягивая ему кусок десерта.

Он был застигнут врасплох, а потому даже не успевал сказать: «Я не хочу никаких чертовых сладостей». Она раздвигала его губы своими пальцами, и яркая смесь восхитительных вкусов распускалась у него на языке. Он не мог вспомнить наверняка, но, возможно, он даже застонал.

– Чувствуешь? – прошептала она. – Вместо лимонной кожуры я добавила цедру юзу в сахар, а вместо ванильного экстракта здесь ванильные семена. Глазурь из гибискусового джема, а не из скучного абрикосового. Что ты думаешь? Разве это не вкус мечты?

Тогда он понял, что может чувствовать ее улыбку. Как свет, пробивающийся сквозь плотные занавески. Моргнув, он открыл глаза, чтобы увидеть ее ухмылку. С тех пор он вспоминал вкус того фруктового пирога, запах гибискуса и ванили каждый раз, когда она улыбалась. Неожиданный и сладкий.

Энрике закашлялся, и Северину пришлось стряхнуть с себя налет воспоминаний.

– Наконец-то, – сказал Энрике, закидывая в рот последнее печенье. – Считай это штрафом за опоздание.

Северин отодвинул стул, чувствуя на себе их пристальные взгляды. Конечно, первой заговорила Лайла.

– Северин... что нам теперь делать? Энрике рассказал нам, что случилось.

Историк виновато покраснел и очень вовремя сделал глоток из чашки.

– Ты связан с Гипносом, – сказала Лайла.

Он согнул пальцы, наблюдая, как растягивается его шрам.

– То, что будет происходить дальше, не зависит от меня, – сказал он. – Это не будет похоже на наши предыдущие дела. Гораздо опаснее. И если вы решите отказаться, я не буду держать на вас зла. Я сотру клятвенные татуировки и выплачу все, что вам причитается.

Северин не решался поднять глаза и посмотреть на них, пока не услышал смиренный вздох Энрике.

– Я в деле, – сказал историк после длинной паузы.

– Я тоже, – присоединилась Лайла.

Зофья промолчала, но кивнула головой, выражая свое согласие.

Тристан тяжело сглотнул, не сводя глаз с кухонного стола. Он выждал дольше всех остальных, прежде чем поднять голову и кивнуть.

В груди Северина разлилась жгучая боль. Не физическое недомогание: это были острые зубы чего-то гораздо более жестокого. Надежда. Он никак не выразил своего состояния, изобразив на лице вымученную улыбку.

– Хорошо. Итак, чтобы добыть Глаз Гора из хранилища, нам нужно сосредоточиться на двух вещах. Первое – определить точное местонахождение Глаза в хранилище. Для этого нам понадобится каталожная монета, и поэтому нам придется нанести визит нашему старому другу – посыльному Дома Ко?ры. Благодаря Лайле мы точно знаем, где он будет находиться завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Coq au vin – петух в вине, классическое блюдо французской кухни (фр.).

2

Крокембуш – французский десерт, представляющий собой высокий конус из профитролей с начинкой, скрепленных карамелью, и украшенный миндалем, фруктами и засахаренными цветами.

3

Тескатлипока (дымящееся или огненное зеркало) – одно из главных божеств в мифологии древних майя и ацтеков. Он всегда носил с собой зеркало или щит, чтобы наблюдать за деяниями людей на земле.

4

Энрике имеет в виду миф об Арахне, по сюжету которого заносчивая девушка проиграла богине Минерве состязание по вышиванию и была превращена в паука.

5

Kuya – брат (филипп.).

6

Ingat ka, kuya – Береги себя, брат (филипп.).

7

Mon cher – мой дорогой (фр.).

8

Ummi – мать (араб.).

9

Сильфиды – мифические существа, олицетворяющие стихию воздуха

Купить: https://telnovel.com/chokshi_roshani/zolotye-volki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)